

ЎЗ
АВ

АБДУЛЛА
АРИПОВ

ВЕТЕР
МОЕГО
КРАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМА

Перевод с узбекского

Москва
«Художественная
литература»
1988

ББК 84Уз7

А81

Предисловие

С. Баруздина

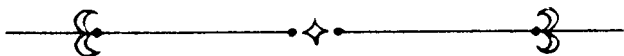
Оформление художника

А. Ременника

А $\frac{4702570200-305}{028(01)-88}$ 107—88

ISBN 5—280—00262—3

© Состав, предисловие, переводы произведений, отмеченных в содержании*. Издательство «Художественная литература», 1988 г. *

ЕГО ВЫСОКАЯ ЗВЕЗДА

Порой, чтобы оценить поэта, достаточно одной его строки, одной мысли, одной находки, одного образа. Так я открыл для себя узбекского поэта Абдуллу Арипова в семидесятом году по его книжечке «Родник», вышедшей в Ташкенте. Отзвуком боли назвал А. Арипов песню, а значит, шире — и поэзию, и это было для меня откровением. Таких откровений в «Роднике» было немало: «Возмужание», «Родному языку», «Камыш», «Орел», «Люди», «Облако», «Золотая рыбка», «Ущелье Клятвы», «Смерть любви», «Мать», «Память». Все в этих стихах — и замысел, и строй мысли, и поэтическая фактура — было свежо, непосредственно, лишено нарочитой восточной пышности и высокопарности. Разумеется, восточные краски пронизывали стихи, но они вплетались в ткань реального бытия и лишь сильнее подчеркивали естественную поэтическую мудрость.

В характерном для нашей отечественной поэзии обращении к имени А. С. Пушкина А. Арипов четко определил свою социально-нравственную позицию:

И осень в Болдино стояла
Прекрасная, как никогда,
И в небе по ночам пылала
Твоя высокая звезда.

Но и тогда к седому лесу
Уже вела издалека
Бесславный пистолет Дантеса
Самодержавная рука.

Это существенно еще и потому, что споры об истинных причинах гибели Пушкина, как известно, не утихают и по сей день, и находятся люди, готовые не только свести роковую дуэль к естественной, якобы, развязке личной трагедии, но и реабилитировать в русской словесности фигуру Фаддея Булгарина.

Я далек от мысли, чтобы выдавать все написанное Абдуллой Ариповым и переведенное на русский язык за образец. Встречаются у него проходные, необязательные стихи. Но не они определяют суть поэзии и не только потому, что их, слава богу, мало. Его поэзию не назовешь могучей и мощной. Наоборот, она нежна, трепетна, камерна, даже хрупка, но за этими чисто внешними признаками я ощущаю силу, прочность, чистоту духовной позиции автора, его незыблемую веру в разум и силу добра, в человечность человека.

С какой величественной мощью
Колышется морской залив,
Что скалы под зеленой толщью
Молчат, колени преклонив.

Но посмотри, трава морская
Встает со дна, отринув страх,
Всю тяжесть моря поднимая
На нежных, худеньких плечах.

Стихи А. Арипова глубоко лиричны, хотя у него, к примеру, нет пейзажной лирики в чистом виде (даже стихотворение «Осенний пейзаж» не этого плана) или стихов просто описательных. Сюжет внешний, а чаще всего внутренний пронизывает его поэзию и, если хотите, прочно цементирует ее:

Благословенно прожитое мною,
Все, что уже не повторится впредь,
Все то хорошее и все плохое,
Чем мне гордиться и о чем жалеть.

Все было, и падения, и взлеты,
Но, размотав клубки своих дорог,
Я видел то, что не увидел кто-то,
И то сказал я, что другой не смог.

Хоть мне неведомо, что предо мною,
Но я благословляю наперед
Все то хорошее и то плохое,
Что ждет меня еще и что не ждет.

И пусть за тем ближайшим поворотом
Лучи не мне назначенных дорог.
Что не увижу я, увидит кто-то,
И кто-то скажет то, что я не смог.

Большие чувства, яркая неповторимая эмоциональность, всегда свой поворот мысли, философская цельность — все это характерно для ариповской поэзии. Вот почему она и лирична, и эпична одновременно. И при этом краски ее весьма различны. И душевная строгая простота, и горячая публицистичность, и шутка, и откровенная или скрытая ирония.

Стихи А. Арипова начисто лишены декларативности. Каждое его стихотворение всегда загадка: его читаешь не столько разумом, сколько сердцем. Композиционная четкость подчеркивает завершенность мысли. Тут хочется особо отметить его миниатюры «Соловей», «Поэт», «Крылья», «Осенние думы», «Говорящий мудрец» и другие.

Конечно, законы поэзии неисповедимы. Я завидую тем стихотворцам, которые умеют от частной детали прийти к философскому обобщению, то есть от простого к сложному. Но, признаюсь, мне ближе те, кто в своих стихах идет от сложного к простому, от глобального к частному, личному, своему. Таков, по моему, и Абдулла Арипов:

Я мать родную рано потерял.
Оплакивая долгими ночами,
Я много лет по-детски горевал
О доброй, горячо любимой маме.
Теперь я со слезами и тоской
Ее глаза и голос вспоминаю
И чувствую ее ладонь щекой,
Но как вернуть мне это все, не знаю.
Ты щедр и добр ко мне, мой мир земно!
Так будь еще мне матерью родной.

Наиболее удачны и значительны, по-моему, те стихи А. Арипова, которые как бы являют собой сплав восточной и европейской поэзии. Речь идет, конечно, не об отказе от национального, а об обогащении этого национального за счет интернационального. Искусство, замкнутое в своей скорлупе, всегда бесплодно. Это истина. Но бесспорно и то, что взаимовлияние и взаимообогащение — процесс сложный, неоднозначный, требующий меры и такта и уж, естественно, не терпящий чисто внешних подражаний. Фактом каждой культуры, а значит, и литературы из инородного может стать лишь то, что естественно впитывается в нее, не противоречит ей ни по духу, ни по сути своей. Надо сказать, что в этом плане Абдулла Арипов обладает завидным чутьем и тактом, и еще, пожалуй, опытом. Известно, что он блистательно перевел на узбекский язык «Божественную Комедию» Данте, многие стихи русских и зарубежных поэтов.

Мои лучшие дни, вы еще впереди,
Впереди все улыбки, что губ не коснулись,
Где-то строк моих ищут другие стихи,
Ничего еще в жизни не знал я, по сути.

Эти строки из относительно новых стихов А. Арипова. Не менее интересны в этом плане и его стихотворения «Планета-Мать», «Заповедник», «Надежда» и другие. Удивительна раскованность и одновременно художественная гармония этих стихов.

«Серьезная мысль и эмоциональность, раскованность и новизна образов, отсутствие докучливого красноречия и пышной лексики — вот что я обнаружил в стихах Арипова, — писал в свое время Кайсын Кулиев. — Поэт безошибочно чувствует новизну слова, первозданную свежесть мира».

* * *

Абдулла Арипов — дитя войны. Он родился в трудном сорок первом в кишлаке Некуз Касанского района Кашкадарьинской области. И хотя детство его прошло вдали от больших городов, мальчику повезло, — рядом были книги: дома, в кишлачной библиотеке, а затем и в школе. Выучившись грамоте еще до школы, он читал все подряд — Навои, Фурката, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Гуляма, Алимджана, Каххара, Миртемира...

Сам Абдулла рассказывает:

— Вода в нашем колодце была соленая, для умывания годилась, а для питья нет. Приходилось ездить за питьевой водой восемь-десять километров. Оседлав ишачка, захватив пару больших глиняных кувшинов, я трусил по степи, складывая и распевая придуманные на ходу стихотворные строчки. Они были возвышенные, одического характера, так популярного тогда в нашей поэзии. Но рядом была обычная жизнь — трудная и радостная, грустная и веселая, и постепенно меня стали занимать явления и предметы более естественные — люди на полях и огромные яркие звезды над ночной степью, грозные серые скалы и далекие незамутненные горизонты.

Первым удавшимся стихотворением, пожалуй, была коротенькая баллада об арче, которая, несмотря на рухнувший на нее обломок скалы, продолжала

жить и расти. Здоровенный камень, прижавший ее крону, ничего не мог поделывать с деревом, а значит, и с жизнью...

С первых шагов в поэзии и по сей день Абдулла Арипов всегда в поиске.

Есть у поэта строки:

Но то, что я ищу, величественней слова,
Но то, что я ищу, священнее, чем хлеб.

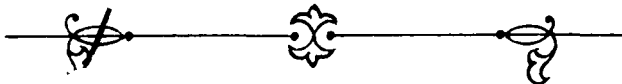
Думается, это и есть поэтическое кредо Абдуллы Арипова.

Сергей Баруздин

* * *

Подай мне руку, друг далекий!
В твоей груди зажгу я пламя.
Рванемся ввысь,
И в дымке легкой
Земля окажется под нами.

От мира с шумной суетою
Нас туча отсекла косая,—
Пусть только пламя золотое
Горит в тебе, не угасая!

Пари, дерзай в полете смелом,
Пусть дух твой в высях светит вечно!
Ты в землю
Вместе с бранным телом
Отныне не уйдешь, конечно.

МОЯ ЛИРА

Я поэт, хотите не хотите,
А пою о том, что сердце жжет.
Если вы получше поглядите,
То поймете, что душа поет.
Да, поет моя душа, не зная
Горя, если радостью полна,
В музыке своей соединяя
Наши и бывшие времена.
В прошлом много боли всенародной,
Только песня нам ее вернет.
Но живу я, человек свободный,
В обществе, свободном от невзгод.
Говорить мне о своем народе
В наше время — значит, говорить
И о том, как он пришел к свободе,
Чтобы гордо и счастливо жить.
Чистый отблеск ленинского света
Я повсюду нынче нахожу;
Если будет нужно, то за это
В бой пойду и голову сложу.

И не надо мне ни благ, ни славы,
Только б дальше петь, как я пою,
По любви единственному праву
Восхваляя родину мою.
Я ее всем сердцем понимаю,
И о ней все помыслы мои —
Мелких чувств я в песню не пускаю,
Как учил великий Навои.

УЗБЕКИСТАН

Мой край родной, я о тебе пою,
Ты для меня — вовеки несравненный!
Поэты славят родину свою,
И голос их звучит во всей вселенной.
Летят их песни в дальние края
На серебристых крыльях неустанно,
А мой прекрасный край — земля моя!
Она, как былъ неспетого дастана!¹
Но не мощно перо мое, друзья,—
Узбекистан мой, Родина моя!

По райским не скучаю я садам
И не томлюсь по неземному чуду,
Я выдумкам увлечь себя не дам
И рассказы пером плести не буду.
Твоей весны алеющим полям
Была хвала пропета Алимджаном²,
О славе твоей пел Гафур Гулям³,

---

¹ Д а с т а н — сказание.

² Х а м и д Алимджан (1909—1944) — узбекский писатель.

³ Г у л я м Гафур (1903—1966) — народный поэт Узбекистана.

И в целом мире ей звучать дастаном!
Славна в веках история твоя,
Узбекистан мой, Родина моя!

Бывала правда попорана в былом,
И любо мне не все твое былое.
Задумаюсь о давнем веке злом —
О нем не отзовусь я с похвалою.
Бывали в прошлом годы тяжких бед!
Гремел тиран, и кровь лилась багрово,
Полмира сотрясала двести лет
Лихая злоба деспота хромого.
Тот век своим — нет, не признаю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

Рассказ о предках — он совсем не прост,
Но в нем начало отдаю я слову
О том, кто высям неба, тайнам звезд
В таблицах дал научную основу.
Но поднял меч убийца-супостат,
И вспыхнул мудрый лик светилом вечным.
Друзья, не звезды на небе горят —
То — слезы Улугбека¹ в свете млечном!
Твоей земли велики сыновья,
Узбекистан мой, Родина моя!

Передо мной веков мелькает ряд,
И вижу их я в высях и провалах,
И вихрем поколения летят,
Как будто бег времен и не рождал их.
В Америке еще темны огни,
Колумба еще нежат в колыбели,

---

¹ У л у г б е к (1394—1449) — среднеазиатский государственный деятель, ученый, просветитель. Был убит по приказу своего сына Абдуллатифа.

Но светоч ясный мысли Бируни¹
Его ведет по океану к цели.
И в них моя есть доля бытия,
Узбекистан мой, Родина моя!

Немало видел мир владык земных,
Им всем в могилу пролегла дорога,
Но меж поэтов, певших звучный стих,
Всесветных повелителей немного!
Могучий лев уже пять сотен лет
Пленяет мир поэзией прекрасной,
И страны, где Тимур² не знал побед,
Каламу³ Алишера все подвластны!
Весь мир пленен напевом соловья,
Узбекистан мой, Родина моя!

Но есть над всеми предками глава,
Он всех других и выше, и любимей,
В великих предках мощь его жива, —
Родной народ, твое я славлю имя!
Ты, голодая, свой последний хлеб
С любовью отдавал родному сыну,
Ты славу сыновей, груз их судеб
Несешь в веках, не разгибая спину.
Я — твой, народ мой, ты — моя семья,
Узбекистан мой, Родина моя!

Чреда веков шумела над тобой,
Прошли зороастризм⁴ и мусульманство,
И сколько темных сил наперебой
Тебя давило. Мерзкое тиранство!

---

¹ Бируни (973—ок. 1050) — ученый-энциклопедист Востока.

² Тимур (Тамерлан, Искандер) (1336—1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец.

³ Калам — перо, дословно: карандаш.

⁴ Зороастризм — религия, распространенная в древности и средние века на Востоке.

Гнев Чингисхана кровью и огнем
Тебя сметал с земли бесчеловечно,
Но ты помчался сказочным конем
И все преграды одолел навечно!
Тебя, мой конь летящий, славлю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

Ты всякое видал в своей судьбе —
Мед счастья пил и терпкий яд печали,—
Кто только гневом не грозил тебе,
Какие вражьи силы не терзали!
Подмоги просишь — стоны к небу взвей,
А бой жесток, и нет ответа зовам.
От крови твоих павших сыновей
Горели ночи заревом багровым.
Я с ними пал бы, кровь из ран струя,
Узбекистан мой, Родина моя!

Но светоч солнца мраку не задуть,
И лунный свет не переселят тени!
Всех угнетенных вывел в дальний путь
Заступник бедняков — великий Ленин.
И меч ты поднял в свой рассветный срок,
И сам себя узнал в луче багряном.
Набиев кровью алою истек,
Чтобы назвался ты Узбекистаном!
Да славятся цветущие края,
Узбекистан мой, Родина моя!

Но в мире не бывает тишины,
И мир и труд врагам земли не милы.
Ворвалась в твой покой под гром войны
Орда фашистов — дикие громилы.
Под Данцигом я, раненый, вставал
На тот рубеж, где пал Сабир Рахимов¹.

---

¹ Рахимов Сабир — герой Великой Отечественной войны.

Мой край родной! Отпрянул вражий вал,
В далеких землях от тебя гонимый!
Ты — честь и слава вольного житья,
Узбекистан мой, Родина моя!

Однажды перед зимнею порой
Ко мне в окно украдкой кто-то глянул.
Ты это был, о край дехканский мой,
Пустынен, сер и наг во мгле сурьмяной.
«Смотри, — сказал ты, — хмурятся дожди,
А хлопок еще виден на равнине,
Иди сюда, на помощь мне приди,
Убрать бы нам его до зимней стыни!
Я жду тебя, грусть по тебе тая!»
Узбекистан мой, Родина моя!

И ты выходишь в дальний свой простор,
Сияешь солнцем ты над Ферганою,
И на белеющих вершинах гор
Палишь костер пастуший под скалою.
Когда лучи рассветные светлы,
Ты, как Айбек, стихи слагаешь щедро,
Маршрутами Хабиба Абдуллы
В пустынях ты разведываешь недра.
Рудник сокровищ, золото жнивья,
Узбекистан мой, Родина моя!

Ты славою, мой край, весь мир пройдешь,
Но где ни ступишь ты землей иною,
Будь сам собою, будь с собою схож —
С любимой и родимой стороною!
И, верный сын твой, я всегда с тобой —
Со всей твоею прошлою судьбою,
И счастлив твоей будущей судьбой:
Высоты коммунизма пред тобою!
Свободой счастья бьющая струя,
Узбекистан мой, Родина моя!

Цвети, не зная осени, мой край,
Цвети, будь вечно молодой летами,
Трудись, борись, расти и побеждай
И дружен будь с братьями-друзьями.
В чреде веков неколебимо стой,
Как брат в семье народов многоликой,
Вовек да будет светел образ твой,—
Ты — сын Советской Родины великой.
И песней светлой край мой славлю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

* * *

Дай, мой друг, звонкий най¹,
Дай рубаб¹ моей грусти в угоду.
Дам на миг я пускай
Сердцу, полному боли, свободу.

Вылить чувства те мне
Не хватило ни сил, ни желанья.
Слышишь, друг мой, во мгле
Листьев крошечных, тонких шуршанье.

Вечер зыбкий затих,
Фонари укачал ветер в отсветах ломких.
Как звенит этот миг!
Тихо роща танцует в потемках.

Сквозь мгновений витье
Входит в грудь мою чувство вот это,
Это сердце мое,
Всех приветствуя, странствует где-то.

И рождает восторг
Этот мир, где весеннее солнце.
Дай-ка най, мой дружок,
Пусть душа до предела прольется.

---

¹ Н а й , р у б а б — национальные музыкальные инструменты.

ТРАВА

С такой величественной мощью
Колышется морской залив,
Что скалы под зеленой толщью
Молчат, колени преклонив.

Но посмотри: трава морская
Встает со дна, отринув страх,
Всю тяжесть моря поднимая
На нежных, худеньких плечах.

КРОВАВАЯ РУБАХА

Рубаху дай мне, мать,
Отцовскую, святую!
Пусть воскресит опять
Она стезю былую.
Как знамя подниму
На солнце я с любовью,
Пускай на всю страну
Пылает алой кровью.
На миг пусть в тишине
Замрут и зверь и птаха,
Смотрите — вся в огне
Кровавая рубаха.
Пускай у вас в глазах
Стоят картины эти,
Чтоб не было рубах
Кровавых на планете.
Кровавую рубашку,
Подругу боевую,
Сестру сражений тяжких,
На солнце водружу я.
И знать потомки будут,
Какими деды были,
Какой ценою люди
За вечный мир платили.

ОРЕЛ

Летит и крыльями насквозь
Он облака пронзает.
Орел, он в небесах не гость.
Он в небесах хозяин.
К скале он в утреннем дыму
Летит над облаками,
Но что он ей и что ему
Ее холодный камень?
В отличие от прочих птиц,
Не ищет он чего-то.
Летит орел, и нет границ,
И нет конца полета.
Но долетит и, как всегда,
Вокруг он оглядится.
И вновь неведомо куда
Внезапно устремится.

Я думаю:

        создав орла,
Природа, неужели
Найти ты в мире не могла
Ему достойной цели?

ЛЕНИН

О минувшем думая порою
И времен осмысливая ход,
Преклоненья своего не скрою
Перед тем, кто мир наш создает.
Ну а тот, кто только разрушает,
Мне не может нравиться никак,
Хоть он часто память оставляет
О своих деяниях — в веках.

На любовь — любовь и отзовется,
И, согласно доблести своей,
В зеркале, что вечностью зовется,
Мы великих разглядим людей.
Зная мир как школу твердых правил,
Где свои начало и конец,
Думаю о том, кто нам оставил
Жизнь свою, как высший образец.

Всех вождей земных я позабуду
Ради человека одного.
Буду повторять и славить буду
Имя — созидателя — того,
Кто открыл дорогу поколениям
К светлым дням, в которых я живу,

**И с благоговеньем имя — Ленин —
Всем, кто может слышать, назову.**

**В нем сама судьба соединила
Разум, честь и силы торжество
И мечту о перестройке мира —
С делом сотворения его.**

ПЕСНЯ

Она была веселою сначала,
Она в весенних небесах звучала,
И быть бы ей такую до конца,
Но птицей раненой она упала,
Когда стрела недобрая попала
Не то в нее, не то в ее певца.

Но песнь и скорбная не умирает,
И эта песня над землей витает
Который век, который год подряд.
И женщины над зыбками не спят
И тихо эту песню напевают.
И песни новые порой слагают
Поэты мира этой песне в лад.

И пусть другие песни среди людей
Живут, плывут от края и до края,
Веселою мелодией своей
Четыре горизонта наполняя,
Но все-таки не забываем мы
И давней песни той, что многих краше,
Боль этой песни разделяем мы,
Вверяем ей частицу боли нашей.

* * *

Обрамленны, висят портреты в ряд.
Вот Лермонтов, вот Байрон, вот Фуркат¹.
Они, кому был мир когда-то тесен,
На мир из рамок тесных вдаль глядят.

Они вкусили и любовь и гнев,
И жизнь прожили, суету презрев,
Вовек не могут быть поэты в рамках
И входят в рамки, только умерев.

---

¹ Ф у р к а т (1858—1909) — узбекский поэт-просветитель.

* * *

Что наша плоть? Корабль, подвластный морю.
Ударит шторм — и бешеной волной
Корабль на скалы вынесет. Прибой
Ударит вновь. На дно останки смоет.
Что наша плоть?

Я стану слеп и глух.
Я мертв. И ни к чему я не пригоден.
И все мертво! Но дух, бессмертный дух
Восходит в небо, вечен и свободен.

Так радуга пылает над землей.
И никакому шторму не подвластно
Творенье духа. Никакой волной
Не смоешь то, что вечно и прекрасно.

* * *

Как легко мы судим, как беспечно,
Как бываем строги мы к другим.
Но ужели сами безупречно
Делаем мы все и говорим?

Мы легко бросаемся словами,
Приговор наш слишком строг подчас.
Но самим случилось ли хоть раз
Думать нам, кто мы такие сами,
Что другие думают о нас?

Рассуди ж пред тем, как суд вершить,
Безупречна ли твоя работа?
И предположи, что, может быть,
Кто-то станет и тебя судить
Так легко, как судишь ты кого-то.

* * *

Вздыхая тяжело, пролетает ветер,
Стремясь извечно вдаль издалека,
Быть может, он, несчастней всех на свете,
Застыть мечтает он, как горы эти,
В безмолвье и покое на века.

Но почему печальны горы эти?
Безмолвье и покой — вот их беда;
Они несчастней всех на белом свете,
Они мечтают вдруг вспорхнуть, как ветер,
И полететь неведомо куда.

* * *

Захотелось мне, мама,
Вернуться к тебе
И услышать, как ночью осенней
Дождь в платане шумит,
Свищет ветер в трубе,
С ветки лист улетает последний.

Если честно признаться,
Веселые дни
Все твой голос во мне заглушали,
И дорогу к тебе
Заслоняли они...
Но сегодня
Я, мама, в печали.

А когда улетает с деревьев листва,
Что-то тянет нас к отчему дому
И забытые в юности ранней слова
Подступают к дрожащему горлу.

В суете,
В маете повседневной своей,
Торопя уходящее взглядом,
Мы ценить не умеем

* * *

Теперь, когда прошло так много лет,
Уже чуть сторблен и немного сед,
Зачем я по своей вернулся воле
В тот край, где и остался только след
Моей давным-давно прошедшей боли?

Зачем я так стремился в эту даль,
Прошедшею печалью озабочен?
Зачем сюда я рвался дни и ночи?
Ужели даже горькую печаль
Из прошлого забыть никто не хочет?

РОДНИК

В горах родник родился в некий год
И начал пробивать дорогу к рекам,
Но человек не пожалел забот,
Сочтя, что русло родниковых вод
Сотворено должно быть человеком.

Оставьте, люди, пусть течет он сам,
Мешать ему подмогой не годится.
Пусть он на радость и себе и нам
Найдет дорогу к рекам и к морям
И сам борьбой нелегкой насладится.

* * *

Зимняя заря — вся молодая;
Все четыре стороны — в снегах.
Утро тебе доброе, родная!
Сон еще стоит в твоих глазах.
Радость-то всесветная какая,
Что они с тобою близнецы.
С Родиной тебя я поздравляю,
С песней, что звенит во все концы.
Многого ждет от тебя влюбленный
Мир — с высоким небом и землей.
Ты в семье, в которой миллионы,—
Поздравляю с этою семьей!
Утро всходит...
Думы все светлей.
Шесть тебе всего годочков ныне.
Шестьдесят же — Родине твоей.
Две весны — я поздравляю с ними!

К МОРЮ

Дорога повела через пустыни,
Сквозь красоты невиданной края.
И было суждено,
Чтоб только ныне
С тобой, о море, повстречался я.
Степной узбек с судьбой веселой в споре,
Взирающий на мир во все глаза,
Ищу по свету душу я, как море,—
Так ищет буйный ветер паруса.
Отдам я душу твоему прибою,
Гул сердца гулу твоему отдам.
Песчинка я
В сравнении с тобою,
Ты ж, море,— дерзкий вызов небесам.
Стихий неповторимое созданье,
Вобравшее в себя несчетность чувств,
Тебе открыться — словно мирозданию,
Тебя мы помним сердцем наизусть.
От слов волшебных и от грез туманных
Прозревший отказался человек,
Несчастливым ли его считать
Иль странным —
Двадцатый век — рациональный век.

У ног его земля, полей остуда.
И даже небо — сгусток синей мглы.
Где песня? Где неведомое чудо?
Где для Меджнуна¹ степи Кербалы?
Ты оглянись, запоминай навеки
Про человечьи добрые дела:
О море, нынче песня ты о ветре,
О тропке, что к тебе не заросла.
Валы твои — не песни, не сказанья,
В объятия валов — не восклицанья,
А рыбаками брошенная сеть
Все падает и падает в тумане.
Готов я, море, за тебя на смерть.
Боюсь, чтоб словно камень не остыло
Горение сердечного огня.
Не жаль мне маяка, что в мгле остылой,
Маяк теперь — не тайна для меня.
Не вызывают трепета бураны,
Ни колдовства нет в мире, ни чудес:
Гул канонады наполняет страны,
И эхом страха мир наполнен весь.
Крох ожидает хлебных, в жажде вечной
Ввысь государство чаек взметено.
И звезды блещут,
День сверкает вешний,
И серым пеплом станет тело, но
Был создан человек — и неужели
Лишен он чувств, мечтаний и страстей?
Неужто потерял он чувство цели,
Мытарствуя все горше, все сильней?
В полях студеных, голубых, прекрасных
Резвится жеребенок вороной.

---

¹ Меджнун — герой известной поэмы «Лейли и Меджнун» великого поэта Востока Низами (ок. 1141—ок. 1209).

От милости отказываясь Марса,
Ввысь взглянет ли с тоскою в час ночной?
Божественную сущность,
Лик свой вещей
Забывать ли человеку пред бедой?
Порыв великий, путь в пространства вечный
Не умертвит ли чей-то разум злой?
В душе — порыв твой.

Так прощай же, море,—
Свиданием с тобой не насыщусь.
Но молодость моя минует вскоре,
Пройдет огонь —
Остудит душу грусть.
Еще вернусь к тебе, вот к этим плесам,
Еще ты будешь петь средь новых лет,
Так пой же, так басы громкоголосо,
Озвучивая грохотом весь свет.

* * *

Давно я не бывал в родном селенье,
Домой пишу я редко, к сожаленью.
Там плачет мать моя, встает чуть свет
И, заглушая вечную тревогу,
Ждет письмоноосца, смотрит на дорогу.
А писем от меня все нет и нет.

Она с надеждой смотрит на дорогу
И молится неслышащему богу,
Ждет моего приезда иль вестей.
А я, чудак, сижу, пишу в потемках.
Ищу слова в заботе о потомках,
Хоть матери мои слова нужней.

* * *

Гром гремел, и буря бушевала,
И сверкали молнии кругом,
И с тобою шли мы под дождем,
И, ко мне прижавшись, ты шептала:
«Что нам буря, если мы вдвоем?»

И, застигнутые снегопадом,
Ныне мы идем, и тьма кругом.
Шепчешь ты, идя со мною рядом:
«Что зима нам, если мы вдвоем!»

* * *

Оставь на мгновение солнце, поэт,
Не сравнивай с пламенным сердцем своим.
Пусть льет оно просто свой солнечный свет,
Играет и блещет лучом золотым.

На бездны морские однажды взгляни,
Не сравнивай их со своей глубиной.
Пусть будут для рыб просто домом они,
Пусть ласково плещут лазурной волной.

И ветру на шею не вешайся друг,
Ему не навязывай думы свои.
Пусть, шалый, помчится на солнечный луг,
Побродит по чистым дорогам любви.

И землю избавь от напыщенных слов,
Известна ей наших сравнений цена.
Пусть матерью просто для трав и цветов
И просто землю побудет она.

И мне перестань, о поэт, докучать,
Не нужно достоинств приписывать мне.
Обязан за все человек отвечать —
И этой судьбой я доволен вполне.

* * *

Когда, краев изъездив много,
Я возвращусь опять домой,
Поспешно выйди на дорогу
И радости своей не скрой,
Что я вернулся к отчему порогу.

А если соберусь опять
В высь, где снега на перевале,
Иль в даль, куда меня позвали,
Не надо слез своих скрывать.
Ты не таи своей печали
И клясться не стыдись, что будешь ждать.

ПЛАНЕТА-МАТЬ

Заснятая со спутника Луны,
Вот мать-Земля, округла и щербата.
Она не больше кувского граната.
На ней хребты и те едва видны.

На ней моря большие — со слезу.
На ней вершины гор — с зернину хлопка,
И страны — эти сверху, те внизу —
Комками глины прилепились робко.

Не разглядеть, малы иль велики
Все эти земли, близки иль далеки?
Но там живут вожди, певцы, пророки,
Младенцы, юноши и старики.

Там раздаётся цоканье коней.
Там над горами слышен клич орлиный,
Там в отблеске пастушеских огней
По вечерам на склонах тени длинны.

А поутру с кувшином на плече
Идет красавица, мечтая тайно
Джигита, отраженного в ручье,
С собою рядом увидеть случайно.

Планета, мать моя, моя святыня,
Хоть нет тебе ни края, ни конца,
Твой сын, я на тебя взираю ныне
Впервые в жизни с нежностью отца.

В какую даль стремишься ты, не знаю,
Но понимаю я, что ты спешишь вперед,
К своей груди с тревогой прижимая
Людских детей, как собственных сирот.

Не все тебе приносят счастье дети,
Не все они живут, тебя любя.
Как много крови пролито на свете,
Чтоб поделить иль защитит тебя.

В одном твоём краю — садов цветенье,
В другом твоём краю — огонь и прах.
А ты вершишь обычное круженье,
Ты все выносишь на своих плечах.

Накалены пески под солнцем юга.
На севере от льдов белым-бело.
Все рождено тобой: жара и вьюга,
Болота и сады, добро и зло.

Как разные цветы на белом свете,
Неповторим и каждый край земной.
И может быть, прекрасней всех соцветий
Земля моей Отчизны, край родной.

Но верю я, что мир и справедливость
Когда-то в каждом расцветут краю.
И чтоб быстрее это совершилось,
Возьми, моя планета, жизнь мою!

Я жив твоей тревогой, болью, страстью,
И мне не надо в жизни ничего.
Пусть никогда твое не меркнет счастье,
Неотделимое от моего!

ПРОСЬБА

Не прячь лицо, красавица. В смущенье
Не повергай. И не играй со мной,
А то, как бог античный, на колени
Паду пред красотой твоей земной.

Нет, не поймет томящийся от скуки
Того, кто истомился от любви.
И для меня страшней любой разлуки
Ту полюбить, кто любит без любви.

ПИСЬМО

Я для тебя газели сочинял
И жизнь твоим капризам подчинял.
Но ты забыла, кем ты мне была:
Со мной — жестока, а с другим — мила.

Мне говорили, ты теперь одна
В садах гуляешь и, тиха, бледна,
Твердишь порой, как будто в забытьи,
Печальные двустушия мои.

Меня с рассветом тоже тянет в путь,
Я солнцу с ветром подставляю грудь,
Но пребываю в тягостной борьбе:
Хочу уйти, а прихожу к тебе.

Но расставанья нам не избежать,
Как от самих себя не убежать,
И жизнь смеется над тобой и мной,
Хоть боль души не может быть смешной.

Так для чего страданья и печаль,
Когда минует все, чего не жаль,
Когда исчезнет все, чем дорожим,—
Весь мир земной и мы, конечно, с ним?

Не для того ль, чтоб внукам передать
Способность восторгаться и страдать,
Чтоб наша жизнь, какой бы ни была,
Им в радости и в горе помогла?

* * *

Не вызывай в душе печаль ушедших дней,
Она меня гнетет, как время листопада.
Я стал чужим тебе. И милости твоей,
И даже новых встреч, молю тебя, не надо.
Я радостью теперь и грустью окрылен,—
Все оттого, что одинок на деле,
И лишь судьба моя идет за мной вдогон,
Держа мою любовь, как птицу, на прицеле.
Зависимость моя от времени светла,
Предчувствие трудов — завидная отрада.
Не возрождай того, что сожжено дотла,
И сердца к прежним дням не возвращай, не надо.
Я от иных стерплю хулу и похвалу.
Но ты, что душу мне наполнила страданьем,
Ты больше не ревнуй меня к добру и злу
И запоздалым обойди вниманьем.
И не смотри, молю, с улыбкой на меня,
Не обещавай любви. Что было, не вернется.
Так время, нас порой привычкою дразня,
Над слабостью людской презрительно смеется.

НОЧЬ

Бьет листву осторожная дрожь.
Так заплаканы черные стекла,
точно впрямь этот горестный дождь
чья-то прихоть из ночи исторгла.
Так напуганы толпы теней,
точно вправду
над сбившимся стадом
кто-то высится, ночи темней,
кто-то бродит
за спугнутым садом.

Нет в округе ни света, ни сна.
Все в плену этой тягостной ночи.
И стоят за стеной у окна
чьи-то черные, зрячие очи.
Так и ловят движенье и жест,
так и ждут —
словно где-нибудь в детстве!
Что за чушь, надо лампу зажечь,
надо встать,
надо в окна взглядеться...

Блещет дождь в неподвижных лучах,
в раме ветка, как палец, застряла.

О ГЛАВНОМ

Живет заботой сердце об одном,
И просим мы судьбу свою от века:
Даруй нам крепкий, безмятежный дом
И дружбою порадуй человека.

Дом есть начало света и добра,
Сравню его с вселенною самою,
Понурым выйдешь из дому с утра,
В тот день весь мир покажется тюрьмою.

Без друга жизнь бездарна и пуста,
С друзьями можно жить и в лихолетье,
Коль перед другом совесть не чиста,
Уж лучше б и не жить на белом свете.

Мчит бытия стремительный поток,
Порой мы тонем в суете напрасной.
Кто верным другом был и дом берег,
Тот прожил жизнь и чисто, и прекрасно.

* * *

Я ждал ее, и вот весна запела.
Тьма облаков рассеялась, взгляни.
Даль просветлела, высь заголубела,
Как будто жизнь моя в иные дни.

Играют ветры где-то там, на воле.
Моя любимая, скорей со мной иди
Куда-нибудь: в луга или же в поле,
Чтоб суета осталась позади.

Прозрачно небо, речка серебрится,
Дождем омыты отчие края.
Но все, что есть, уйдя, не возвратится,
Как сила и как молодость моя.

И листья, что сегодня так шумливы,
К ногам твоим осыплются в свой час,
И время — этот путник торопливый,—
Умчавшись вдаль, не пожалеет нас.

Любимая, все в мире быстротечно.
Так дай мне руку, и пойдем скорей.
Поэты лгали нам: весна не вечна,
Ей срок дней сто и столько же ночей.

САРАТАН¹

По темным норам звери разбрелись,
Попрятались в случайных дуплах птицы,
И тополь, словно небу он грозитя,
Воздел свои сухие ветви ввысь.

Пылает солнце, будто пламя ада
Уже зажглось над нашей стороной,
И где-то, притаясь в тени, цикада
Стрекошет, проклиная сушь и зной.

Быть может, мир от распрей притомился
И в этот час затих, остепенился
И вечная борьба добра и зла,
Как сонная речушка, замерла.

Вон там в изнеможении усталом,
Платком холщовым пот стерев со лба,
Дехканин пожилой прилег под талом,
Вы заслужили сон, дехкан-баба.

Я знаю, что задолго до рассвета,
От солнца черный, от годов седой,
Пришли вы, как всегда, на поле это,
Склонились над иссохшей бороздой.

---

¹ Саратан — самая жаркая пора года по месячному календарю Востока.

Покуда зной так жарок, отдохните,—
И солнце, распаленное давно,
Застыло, удивленное, в зените:
Оно упорством вашим смущено.

Жжет саратан, карает землю строго.
Он всемогущ, его настали дни.
Дехкан-баба, вздремните хоть немного,
И ты, иссохший край мой, отдохни!

Посевы и кусты обожжены,
Земля — котел; он на огне калится.
Мучительно глядеть со стороны.
А каково в таком котле вариться?

Жара идет на убыль незаметно.
Длинней и резче линии теней,
И небо, бывшее почти бесцветным,
Становится темней и голубей.

В садах шуршит листва.
Уже не рано.
И путники выходят на тропу.
И небо, как медяшки из кармана,
Бросает блики солнца на супу.

И благодатный вечер, наступая,
Несет с собой прохладу и туман,
Как вздох свободный солнечного края,
Как отдых, что дарует саратан.

РАССКАЗ ПОКОЛЕНИЙ

Полночь.

Проходит путник через кишлак сквозь мрак.

От быстрых копыт тулпара искры сыплет

ташлак¹.

И вдруг от этого топота, летящего напрямик,

Вздвогнув, проснулся тут же

Крепкий еще старик.

— Старость не радость...—

И снова весел он, смел и юн.

В памяти возникает у старика Байсун.

Вспыхивающие выстрелы...

Быстрые скакуны...

У старика — бессонница, внук — сладкие видит

сны...

---

¹ Т а ш л а к — каменная местность.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Твой лунный сад шумит листвою.
Ты и природа. Вы вдвоем.
Деревья говорят с тобою
Всю ночь на языке своем.

Ты воспевал не эти дали,
Но, всеми сучьями скрипя,
Они на цыпочки вставали
И молча слушали тебя.

Им слышно было, как в Лицее
Читал ты звонкие стихи.
И тихо листья с них летели,
Мерцая, словно огоньки.

Когда в Тригорском о свободе
Мечтал ты, как никто другой,
Поля и реки, все в природе
Оберегало твой покой.

И осень в Болдино стояла
Прекрасная, как никогда,
И в небе по ночам пылала
Твоя высокая звезда.

Но и тогда к седому лесу
Уже вела издалека
Бесславный пистолет Дантеса
Самодержавная рука.

И снег январский падал с крон...
Был страшный день морозом скован.
Но смерть ничтожна, как закон
Для тех, кто выше всех законов.

Поэт, виновных не вини.
Им небеса за все оплатят.
Исчезли навсегда они
С печатью вечного проклятья,

А ты живой. И для тебя
Опять листва шумит весною,
И журавли летят, трубя,
Над необъятною странюю.

Жива по-прежнему любовь.
Рука певца лежит на струнах.
Шуми же, сад мой голубой!
Звени, листва деревьев лунных.

Всю жизнь ликуя и скорбя,
Он был певцом твоим, природа.
Он пел любовь, он пел свободу,—
Теперь он слушает тебя.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Меня влечет в сады, влечет к природе,
Туда, где от осеннего огня
Уже пылают листья, что походят
На жар, горящий в сердце у меня.

В сады, где паутина, словно тина,
Где меж ветвей блестят ее слои.
А может, это и не паутина,
А мысли бесконечные мои...

Давно уж солнце не сжигает кожу,
А холодно мерцает меж ветвей,
Как будто на любовь оно похоже,
Оставшуюся в юности моей.

6

РОДНОЙ МОЙ ВЕТЕР

Летел я вдоль дорог, ветров быстрей,
Туда, где ветры веют над долиной.
Меня Гиссар прижал к груди своей!
Подул — расправил платье на любимой
И отгенил ее красу весной
Родной мой ветер,
Ветер мой родной!

И, как Меджнун в просторах Кербалы,
Страдаю я и страстно жду свиданья.
Я ветер, и ветра ко мне добры,
И алых роз пьянит благоуханье,
Но лишь к тебе тянусь душой больной,
Родной мой ветер,
Ветер мой родной!

Я стольким ветрам подставлял на миг
Свое лицо, все запахи вдыхая.
Я чувствовал печаль и радость в них —
И прочь они бросались, затихая.
В тебе лишь нет печали ни одной,
Родной мой ветер,
Ветер мой родной.

Бывало, что ветра грозили мне:
Хрипели бури, завывали вихри.
Они врывались наяву, во сне,—
И в гибели садов вина не их ли?!
Ты никогда не шел на сад войной,
Родной мой ветер,
Ветер мой родной.

Дуй, ветер! Пусть смеется сад в ответ!
Наполни голубым дыханием сказки,
Пусть сложит в честь твою стихи поэт,
Пусть мчатся в небе песни без опаски!
Прославь наш край, прославь пред всей
страной,
Родной мой ветер,
Ветер мой родной!

Меня манила Красота всегда.
Достигну ли? Как знать,
Но путь мой светел.
Цветут в долине розы. Я сюда
Пришел, как ветер,
И уйду, как ветер.
Отныне зрелость навсегда со мной,
Родной мой ветер,
Ветер мой родной!

ЛЕС

Осенний лес, безлюдный, пожелтевший,
Тебя пронзают ветры, холодны,
Но редкие листочки безмятежно
Насвистывают песенку весны.

За ельником поет негромко птица,
А впереди, печально-далека,
Так, что не видно, как вода струится,—
Лежит огромной лентою река.

В объятых леса — волшебство и тайна!
Здесь все воспоминания со мной.
Куда бы я ни бросил взгляд случайно,
Прекрасен ты, осенний лес сплошной!

В твоих объятых каждый миг — желанный,
Я наслаждаюсь красотой твоей,
Я прикрою на локон твой шафранный
Фиалку из родных моих степей.

ПАМЯТЬ

Уже лет десять или даже боле
Не видел я родимого угла.
Мои следы песок засыпал в поле,
Моя тропа травую поросла.

Я на стволе чинара молодого
Свое когда-то имя начертил.
Но, словно рана, затянулось слово,
И ствол окрепший слово позабыл.

За этот срок мой край переменялся.
Наш старый мост разрушила вода,
Из земляков кто умер, кто женился,
Кто прочь ушел неведомо куда.

Смешно несправедливость видеть в этом,
Никто не остается молодым.
Закон извечный движет белым светом,—
Кто отжил век, сменяется живым.

Но неужели занесло песками
Все прошлое мое, как в поле след,
И поросло сплошными сорняками
Все то, что сделал я за много лет?

Ужели место занято другими,
И позабыт я в отчей стороне,
И, словно на чинаре, стерлось имя
В сердцах людей, поныне милых мне?

Ужель от юности моей зеленой
На свете не осталось ничего,
И рухнул мост, когда-то наведенный
К сердцам людей от сердца моего?

Безжалостна и неподкупна память.
Ей нас судить своим судом. Она
Изо всего, содеянного нами,
Лишь истинное оставлять вольна.

* * *

В огне грозы иль под горящим кровом
Я ни сегодня не сгорю, ни впредь,
Я возвращусь к тебе живым-здоровым,
Чтобы от взгляда твоего сгореть.

И в бурю, что ломает пароходы,
Не утону, останусь я в живых.
Я возвращусь, пройду огонь и воды,
Чтоб утонуть в пучине глаз твоих.

ПРОЩАЙ

Прощай — печальный отзвук страсти.
Прощай, газель. Нельзя догнать,
Нельзя вернуть. Не в нашей власти
Жизнь повернуть к согласью, вспять.
Где ты теперь? Какая крыша
Тебе дарит свое тепло?
Твой голос больше не услышу.
Мне горько, больно, тяжело,
Что жил всегда легко и просто,
Что многим душу поверял.
Нашел тебя я слишком поздно,
Но слишком рано потерял.
За то, что причинил страданье
Своей любимой и себе,
Дается песня в наказанье
И горя долгий след в судьбе.
Прощай, печальный отзвук страсти,
И ты, газель. Моя вина.
Я над твоей судьбой не властен,
Моя же горечи полна.
Где ты теперь? И с кем? Не знаю.
Кому ты счастье принесла?
Все чаще, горше вспоминаю,
Какой ты ласковой была.

РАЙ

Шутка

Я однажды без опаски
Брату, шедшему со мной,
Рассказал простую сказку:
Как прекрасен рай земной.

И, у вымысла во власти,
Лгал я, не жалея сил.
Райские хвалил я сласти,
О Кавсаре говорил.

Говорил, не умолкая,
А мальчишка понял суть,
И потребовал он рая,
Стал меня туда тянуть.

В выдумку поверив эту,
Плакал маленький мой брат.
Я купил ему конфету
И повел в какой-то сад.

Взрослым людям верят дети,
Да и взрослых, может быть,

В том, что где-то рай на свете,
Тоже можно убедить,

Можно все, но людям взрослым
Не внушайте эту ложь:
В рай они поверят просто,
Их потом не проведешь.

* * *

Ты плакала, ты мой ловила взгляд.
Ты так искала этого свиданья,
А я глядел, как небеса горят,
И думал о величье мирозданья.

Сегодня я один в своем дому,
Ты далека, я сам все смял и спутал.
Что мирозданье мне, что я ему?
Пришла бы ты ко мне хоть на минуту.

ОСЕНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Пойдем в поля осенние Отчизны!
Пойдем туда, где чистая заря,
Где тишина и от избытка жизни
Устало дышит милая земля.

Пойдем со мной туда, где жжет роса
Босые ноги смуглого подростка,
А в полдень свищет белая лоза
И мед стекает в чашечку из воска.

Пойдем туда, где сад и листопад,
И легкий звон, и слабое мерцанье,
И труженицы просветленный взгляд,
И труженика доброе молчанье.

Вот горы те и тот счастливый край,
Который снился Навои седому,
Когда печальный крик вороньих стай
Перелетал от дома к дому.

Их было двое — осень и поэт,
Здесь говорил с ним карагач скрипучий,

А по лицу его клубились тучи
И пробегал прозрений вечный свет.

Смотри, как быстро вращается земля!
Как медленно добро на ней творится...
Пойдем туда, где тихая заря
И солнце в горы хлебные садится.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ДРУЗЬЯМ

Многое на свете забывается,
Отпускает винтики печаль,
выцветает нежность
и сливается
с радостью безрадостная даль.
Завершает хадж
вражда-паломница,
зарастает
в сердце
пустота,
только, неотплаченная, помнится
долгом чести
щедрых доброта.

ЛАНЬ

Меж синих гор твои владенья,
Ты — красота, ты — загляденье,
Но что лежит на сердце тенью?
Иль ты, как я, влюбилась, лань?

Ты средь утесов диких скачешь,
Зачем всегда украдкой плачешь,
Где ты свои печали прячешь,—
Иль ты, как я, влюбилась, лань?

В горах себе не ищешь крова,
Похвального не жаждешь слова,
Скитаешься бесцельно снова,—
Иль ты, как я, влюбилась, лань?

Довольно плакать, брось тревогу,
Поставь на камень гордо ногу
И солнце проводи в дорогу!
Иль ты, как я, влюбилась, лань?

ОЧИЩЕНИЕ

Когда лицо теряет лик,
а совесть — доброту,
Когда и след любви простыл, и стыд...
И вся любовь...

И так легко переступить
последнюю черту,
И суета сует пьянит
отравленную кровь,

Когда родного брата смех
страшней, чем у врага,
Когда окольная тропа
короче всех дорог,
И у пророка
из чалмы вовсю торчат рога,
И даже из сиротских крох
гребут на свой пирог,

Когда душа нага, а взгляд
готов и мать раздеть,
А те, кто на углу стоят,
ждут не подружек, нет,
А шустрými глазами ткут
невидимую сеть:

Один неосторожный шаг —
и вот уж нет тебя.
Когда прославленный поэт
несет крошечный вздор,
И закулисная грызня
разъединяет
муз,
Когда всерьез
произведен в герои плут и вор,
А благородный
пригвожден позорной кличкой «трус»,—
В тот час
и ни в какой войне нет никакой нужды,
Тот край
обходят стороной холера и чума,
Из напрочь пересохших рек
не зачерпнуть воды,
И рвется из-под ног земля,
сошедшая с ума.

...Народ мой,
сколько же тебя затаптывали в грязь,
Одолевая подлецов,
ты потерял им счет.
Но, очищаясь до конца,
сметал их всякий раз.
Я вновь склоняюсь пред тобой,
великий мой народ.

* * *

В весенний день — осеннее ненастье.
И зябко мне, как будто ночь пришла.
Сирень вот-вот накликает несчастье.
Душа печальна. Дума тяжела.
Настанет ночь. Среди листочков ранних
Лучи далеких звезд текут ко мне,
И зыбко утомленное сознание,
Как трепет звезд в холодной вышине.
И гнутся кроны тополей,
Как будто
Копье батыра, павшего в бою.
В мельканье теней
Различаю смутно
Сны девушки одной,
А сам не сплю.
Вокруг меня молчание чужое.
И ни одна строка на ум нейдет,
Но изменить не в силах ничего я,
Когда весною осень настает...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вчера, когда на темном небе сверкала желтая луна,
Когда ответно ей мерцала звезда неясная одна,
Душа была полна печали, покоя дивного полна,—
Ночной порою размышлений я вспомнил первую
любовь,
Я о тебе тогда подумал, о первая моя любовь!

Бездумно юность пролетела, и шумно молодость
прошла.
Бывало, все мне удавалось, бывало, плохо шли дела.
Порою совесть с глупым сердцем в разладе
временном была,
И потерял я безвозвратно, навеки первую любовь,
А почему, понять не в силах. О первая моя любовь!

Мир так таинственно устроен, что в многоликости
своей
Он то вселенной бесконечность, то дом без окон и
дверей,
И человек в нем вечный пленник своих надежд,
своих страстей.
Но почему не знал я раньше об этом, первая любовь?
Зачем тогда мы разминулись, о первая моя любовь?

У МОГИЛЫ ПАХЛАВАН-МАХМУДА

Когда мое беспомощно стило
И озаренья жажду я как чуда,
Когда меня одолевает зло,
Я жду подмоги Пахлаван-Махмуда.

Когда мне светит яркая звезда,
На время забывается беда,
Когда ликует дух мой — и тогда
Я жду подмоги Пахлаван-Махмуда.

Когда мой свет, как прежде, тускловат,
Когда не так слова мои звучат
И я на свете ничему не рад,
Я жду подмоги Пахлаван-Махмуда.

...Опять мое беспомощно стило,
И жду я озаренья, словно чуда.
И снова слово в строчку не легло,
Я слышу голос Пахлаван-Махмуда:
— Мне самому, брат, было тяжело,
Но помощи не ждал я ниоткуда.

* * *

Шел дождик за окном. Молчанье. Тишь.
В твои глаза впивался взглядом я.
Но ты сказала:
— Что, джигит, глядишь?
Твоя любовь не новость для меня.—
Шел дождик — не жалело небо слез,
Но с глаз вода не смыла облик твой.
К себе домой пришел я и принес
Те горькие слова твои с собой.
А небо лило слезы через край,
Сочувствия к страдальцам не тая.
— Да ладно, небо! Не переживай,
Мне тоже не в новинку грусть твоя!

ЛЮБОВЬ

Жизнь ко мне была добра: все, чего не жаль,
Подарила мне она в щедрости своей.
Всем богат я. Но одна в сердце есть печаль —
Не везло мне на любовь с самых первых дней.

В детстве я то тихим был, то несносным был,
Как равнинная река бушевал весной,
И конечно же, как все юноши, любил,—
Доброй к ним любовь была, а ко мне иной.

Сердце вдруг я ощутил — в нем проснулась боль,
Начал с грустью я дружить и о ней писать.
«Коль не создан для любви, так прощай,
любовь!» —

Порешил я, но стихов не спешил бросать.

Все меняется вокруг, движется, живет,
И любовь подчинена правилам земным —
От одних она уйдет, а к другим придет,
И далекий человек станет вдруг родным.

Мне казалось, будто я душу потерял
И способность полюбить больше не верну,
И поэта грустный стих часто повторял:
«Не надейся возратить беглую волну»...

Стала тихой жизнь моя, плавно потекла.
Не тоскую о былом, лучшего не жду.
Равнодушия боясь, ухожу в дела,—
В мире сам себя ищу, как во тьме звезду.

То вчерашний странный сон разгадать хочу,
То за дальнею звездой на небе слежу.
Пусть не все загадки мне нынче по плечу,
Но о том, что сам открыл, я стихи пишу.

Матери я шлю порой письма в дальний край,
В этих письмах — пересказы мыслей, дел, забот.
Все дороги предо мной — только выбирай,
Все легко дается мне — никаких невзгод.

Половодье чувств порой не осилю я —
Перепомянут душу мне музыка и цвет,
Но придут на помощь мне верные друзья,
Чтобы вновь от всех невзгод был спасен поэт.

Я ничем не обделен: и здоровье есть,
И почет, и круг друзей, и любовь к труду,
В чистоте храню свои помыслы и честь,
Прошлого не сторонясь, будущего жду.

Одного лишь не дано — лучше не зови! —
Не приходит, не придет, верно, никогда
Возвышающая страсть истинной любви —
Двух сердец и судеб двух общая звезда.

Не по кому тосковать, некого искать,
Некому цветы дарить, не к кому спешить,
Некого своей Ширин¹ в клятвах называть,
Не для кого рисковать, не для чего жить.

---

¹ Ш и р и н — героиня известной поэмы Низами «Хосров и Ширин».

Не о прошлом я тужу: пепла не разжечь,
Если искры в нем давно залило дождем.
Не о том пекусь, что мне не пришлось сбечь,
А о том, что ждет меня на пути моем.

Если б встретилась она — та, кого искал,
Чтобы не разлуки я, а свиданья ждал,
Все преграды бы с пути тут же разметал,
Сильным стал бы, новым стал и счастливым стал.

Если б встретилась она — та, кто навсегда,
Я смеялся бы легко, плакал бы светло.
Покорил бы целый мир для нее тогда,
Сердце сжег свое, чтоб ей было бы светло.

Как Ромео, за любовь умереть готов,
Как Отелло, я готов за любовь убить,
Лишь бы в жизнь мою она из бесплодных снов
Снизошла и цель дала, для чего мне жить.

ТЫ ПО ВЕСНЕ НЕ ЗАСКУЧАЛА?

В цветущий сад забрел сначала,
Потом в степи искал следы...
Не от твоих ли щечек
Ало
Повсюду вспыхнули цветы?
Нигде не встретилась мне ты.
Ты по весне не заскучала?

От горьких мыслей отвлекала
Гор отдаленных вышина.
Потом ты снова возникала,
И вновь я видел —
Не она...
Мы одиноки — я, весна.
Ты по весне не заскучала?

Победно песнь одна звучала
В шиповнике, а между скал
Летела лань. Вода журчала,
Поток стремительный сверкал,

Но взгляд мой лишь тебя искал.
Ты по весне не заскучала?

Я звал, но ты не отвечала.
Грущу наедине с весной,
Дарю цветы кому попало —
А я их нес тебе одной.
Ну почему ты не со мной!
Ты по весне не заскучала?

РАСКРОЙ ОБЪЯТЬЯ!

Я, запыхавшись, трогаю тюльпаны,
Сияющие первенцы весны.
Три месяца я шел к вам неустанно —
И снова гор подножья зелены.

Моей душе осенний лист дороже,
Чем юные, веселые цветы,
Но бабочка мелькнет —
И это все же
Куда прекрасней зимней красоты!

И вздрагивают скалы подо льдами,
И небо в сетке дождика светло.
Гуляет ветер древними садами,
Седая почва пухнет тяжело.

Я всюду пролетал как дуновенье,
Огонь тюльпанов на снегу зажег,
Как нищий, ставший шахом на мгновенье,
Считал, что слишком краток жизни срок.

Открой объяття, милая, тюльпанам
И не грусти, коль станут увядать,
Коль миг весны не будет нам желанным
И осень нас не станет уважать.

ВЕСНА

Опять пришла весна, опять столпотворенье,
Наполнен песнями весь мир и красотой.
Приветствую тебя в великое я время,
Сверкающая жизнь, великий кормчий мой.

Подтекста не ищите вы в напеве.
В долг не бери — не множь долги свои.
Известен всем характер твой, душа твоя издревле,
Зовут тебя порой рассвета и любви.

Проснулись ветры вновь, ладони потирая,
Стремится солнце ввысь и льет лучи в упор.
Кивает головой здесь травка молодая,
И рвутся в небеса хребты тяжелых гор.

6

На скатах гор, на мхах давно цветут тюльпаны,
И мошкара как дым вокруг тополиных грив.
Гниющая листва, вобравшая туманы,
Летит вдоль ветра,
Крылья отрастив.

Несутся ручейки, резвы, неукротимы,
И льется гомон птах сквозь полдень голубой.
Свиданию я рад с тобой, моей любимой.
Весна, как долго я в разлуке был с тобой!

Как избиенья ночь, была зима сырая,
Каким-то хмелем наш обременила дух.
Но вот пришла весна, что дети, озорная,
Как будто света луч упал на слезы вдруг.

Нет вечной гибели в мятущейся вселенной,
Пока весенних туч неукротим разбег.
Я вспоминаю вас всей памятью нетленной,
Родные люди, вас,
Ушедшие навек.

Извечный приговор — спешащих лет знаменье,
И солнце сколько раз сходило с синевы.
И те, чей дом всегда был местом поклоненья,
Окончили свой путь в сырой земле, увы.

Десятый месяц, как знакомого нет зова¹,
И от разлуки мой Ташкент покрылся тьмой.
Весна! Так подними ты голову и снова
Всмотрись в нее, певец,
Земляк по веку мой.

Не привелось мне, нет, беседовать с тобою
И не ходил в твой дом цветущий на поклон,
Но очарован был я каждою строкою.
Как духа твоего бескраен небосклон!

Увы, там ни весны, ни слез, ни песнопений.
А ныне что течет в огне твоей крови?
Себе нашел приют другой любимый гений².
С тобою рядом он — и речь полна любви.

И не сравним ни с кем — парил орлом над веком,
И как у Кургани³ — мысль у него светла.

---

¹ Имеется в виду поэт Гафур Гулям.

² Речь идет об узбекском писателе Максуде Шейхзаде (1908—1967).

³ Кургани — одно из имен Улугбека.

Вспять времени вернуть — корона Улугбеком
На голову певцу водружена была.

Как будто Алишер, после Балха усталый,
Чернильницу наполнил только он —
Ушел высоких дум жрец небывалый,
Оставив имя средь святых имен.

Прошло в последний миг с поникшей головою
Величие веков — и больше не видать.
И все-таки везде берет свое — живое:
Оделся Чигатай¹ в огонь цветов опять.

И в этой тишине март набирает силы,
Воспоминая он зажег, как цвет дерев.
Среди сырой травы, среди поры остылой
Фиалок серьги вновь,
Как в празднество, надев.

Читает скорбный бейт надгробия в бессилье
Цветок, склонивши лик на мраморную твердь.
Весна, прими печаль,
Весна, скажи — не ты ли
Над матерью моей стоишь, презревши смерть.

Отсюда далеко мне до ее покоев,
Вдали она лежит. Как вспомню — нету сил.
Пять месяцев прошло, как нет ее. Покорно
Горит во мне печаль, и в горле стон застыл.

Не лил при людях слез,
Крепился я упрямо,
Не льстил перу за боль, за грусть свою ничуть.

---

¹ Ч и г а т а й — кладбище, где похоронены знаменитые люди.

Что слез не показал, прости мне, мама... Мама,
Я не хотел, чтоб рад был им
Хоть кто-нибудь.

Пусть жизнь не обнесет ни светом, ни годами,
Пусть скорбь не омрачит веселого лица.
Но, мать, пока печаль не испытают сами,
Покоя не найдут железные сердца.

Я память воспою твою — наступит время.
Душа моя всю жизнь все ж будет горевать.
Пусть бури ждут меня, печаль, столпотворенье,
Поддержки от тебя сам ожидаю, мать.

Мир полон вокруг тебя весенней синевою,
И камень скорби злой омыт густой росой.
Вокруг тебя весна с зарею и травой,
Но, неподвижна ты, лежишь в земле сырой.

Как беспощаден мир,
Как беспощадно время.
Бездушна суть твоя, таинственная суть.
Ведь человек — венец, верх твоего творенья,
Неужто и его не пощадишь ничуть?

Пробудится весной и слабая травинка,
Хоть крохотна она, но в ней твой теплый свет.
Неужто даже твой великий сын — кровинка
Уйдет, чтобы лежать в земле сырой навек?

Так маму от тебя в слезах прошу все время,
Боль разрывает грудь, течет по сердцу дрожь,
Но ты на мой вопрос, мой молчаливый гений,
Словно сама печаль, ответа не даешь.

Ведь от тебя никто не получал ответа —
Ни нищий, ни факир, ни стран ученых гость.
И сколько за тобой ни гнались, но от века
Показывал ты им земли тяжелой горсть.

Не сгинет суета людская. Непременно
Останутся всегда мечта и человек.
Не вечно людям жить в жестокой власти тлена,
Тогда не будет смерть злой участью для всех.

Лишь прошлым не живем, хотя, с ним вечно споря,
Спешим его забыть. Но прошлое как вал.
О, если б осознал весь груз бывшего горя,
Сегодня род людской согбенным сразу б стал!

Всех, кто когда-то жил, считая вновь живыми,
Вздыхнем мы раз-другой, печали не тая,
И, жизни торжество справляя,
С песней ныне
Давайте поспешим навстречу дню, друзья!

За солнца ясный свет, что освещает дали,
Давайте же почет мы выразим сполна.
Сотрем с души своей название печали.
Как счастье,
Ведь единственна весна!

Мир как поэт, чей стих удался без изъяна.
Улыбчив он сейчас, исполнен новых сил.
Как будто золотой дворец он Тамерлана,
Его объятья луч мгновенно озарил.

Невестки взгляд летит на ветки абрикоса,
Тревожно сжала грудь предчувствия тоска.
Сквозь сеть листвы лучи в ладонь поймать не просто,
Как перенец-ползун, весна мила, сладка.

Луна давно взошла над кроной аргувана
И, рассекая тьму, трепещет, как волна.
И поэтесса в ночь глядит устало, странно,
Поет она:
— Душа ущербна, как луна...

Жемчужиной ночной на стареньком камзоле
Сияет из-за туч далекая звезда.
Вздыхает где-то най о материнском поле,
Гусиный лук цветет,
И плещется вода...

Свидание ища в лугах цветущих где-то,
Гуляет ветерок — прекрасный дух земли.
Все чаще, все тесней,
Как бейты у поэта,
Выстраиваются в ряд, рыдая, журавли.

Слетает вмиг с души
Грусть лепестками мака,
И в сердце моем чувств и мыслей — океан.
С весеннею порой тебя, с зенитом марта,
Души моей весна, родной Узбекистан!

Лишь только ты всегда мне нужен словно воздух,
Тыходишь в сердце мне и светом, и теплом.
Жизнь тленна, коротка, и убывают весны,
И только вечен ты в сем мире голубом.

СМЕРТЬ ЛЮБВИ

Дождило целый день, а я бродил
По городу, печалюсь и страдаю,
Искал твои следы — не находил,
А дождик лил и лил, не уставая.

Вблизи и вдалеке стоял туман,
Слезил глаза и затекал за ворот,
И сердце, как невидимый капкан,
Держал в тисках пустынный этот город.

Напрасно жду, что встречу на пути,
Что для тебя еще я что-то значу...
О смерть любви! — могилы не найти
И над умершим не услышать плача.

УЩЕЛЬЕ КЛЯТВЫ¹

Ущелье Клятвы есть у нас. Оно
Всегда полно немолкнущего гуда.
Тот, кто ступал на каменное дно,
Одни лишь звезды видеть мог оттуда.

Скала к скале — отвесная стена,
Куда ни взглянешь — камни тверже стали.
И никогда ни солнце, ни луна
До дна его лучом не доставали.

Ни зверь, ни птица не ютились здесь,
Лишь ветер веял холодом могилы...
О тех местах одна легенда есть —
Вот так ее мне память сохранила.

Охотник гнал газель. Среди камней
Петляли оба, в кровь сбивая ноги,
И наш ловец бежал, бежал за ней,
Не разбирал в пылу гоньбы дороги.

---

¹ Ущелье Клятвы находится в горах Гиссара.

И вот газель взбежала на карниз,
А дальше — бездна. Но спастись надо.
Добыча — вниз, и наш охотник — вниз
С уступа на уступ скользил и падал.

Мужская страсть — охотничий азарт.
Он лишь на самом дне настиг добычу,
Но огляделся — нет пути назад,
И огласил ущелье горьким кличем.

Никто не отозвался. Холод скал
Давил как будто с радостью особой:
Мол, ты нашел, добытчик, что искал,
А вот из плена выбраться не пробуй.

Мигала одинокая звезда
Вверху, в далеком каменном проеме.
И загрустил охотник наш тогда
О молодой жене, об отчем доме.

Свою темницу он со всех сторон
Исследовал, но с голых скал срывался,—
В отчаянье судьбу оплакал он
И с верою в спасенье распрощался.

6

А в это время чуть не весь аул
На поиски пропавшего пустился,
И кто-то наудачу заглянул
В ущелье, где охотник наш томился.

И стар, и млад — все собрались сюда
И на краю расселины столпились,
А как помочь, не знали. И тогда
К старейшине аула обратились.

Тот долго думал, тер седую бровь
И наконец сказал: «Любовь к охоте
В ущелье загнала его — любовь
И вызволит, иначе не спасете».

Тут кто-то из отчаянных парней
Схватил жену охотника, стараясь
Поцеловать и на глазах людей
Ее любви насильно добиваясь.

Кричал охотник. Плакала жена,
Взывая к мужу. Так и получилось,
Что прежде неприступная стена
Плененному ревнивцу покорилась.

Как лев из клетки, из ущелья он
Взметнулся кверху — смыть обиду кровью,
Еще не понимая, что спасен
Не жаждой мести, а своей любовью!

С тех пор к ущелью Клятвы подходил
Лишь тот, кто милой в верности поклялся,
А кто не ревновал и не любил,
Стать пленником ущелья опасался.

С ущельем Клятвы я знаком: оно
Хранит немало страшных сказок разных.
Я сверху видел каменное дно,
Но все же удержался от соблазна.

Спустился бы, когда бы полюбил
И плен изведал, если б только верил
Тогда в любовь, но одиноким был —
И глубины ущелья не измерил.

Любимая, что мне теперь сказать?
Я, твой поэт и пленник благодарный,
Едва лишь ты изволишь приказать,
Вновь повторю тот подвиг легендарный.

Ты повелишь — и в бездну брошусь я,
Где камень, мрак и грохот водопада...
Но сам оттуда выберусь. Друзья!
Ко мне на помощь вам спешить не надо.

ДУША

Если тело с лодкой мы сравним,
То судьба, как море, правит им.

Если тело ураган раздавит,
То душа его в слезах оставит.

Не утонет в беспощадной бездне,
Не умрет, не стихнет, не исчезнет.

Ни один буран не заметет
След души. Высок ее полет.

Шторм уймется. Лодочка на дне,
А душа — как радуга над ней.

***

В раннем детстве всего я боялся:
Гром ли, буря — бежал я домой,
К материнской руке прикасался,—
Страх не страх, если мама со мной.
Было, сено возил и наткнулся
Под копной на большую змею —
Через поле, как птица, метнулся,
Призывая родную мою.
А еще мне от дикой собаки
На чинаре спастись пришлось,
А еще нападения и драки —
Много мама мне вытерла слез.
Но сейчас, умудренный и взрослый,
Не страшусь я ни бурь и ни гроз,
Отношусь к ним спокойно и просто —
Без волнения, тревоги и слез.
Одного лишь боюсь — поступиться
Перед кем-нибудь честью своей:
Ни спастись, ни в подушку забиться,
Ни прощенья найти у людей.

* * *

Ребенку дарим имя от рожденья,
Как тот залог родительской любви,
В котором двух сердец соединенье
Прекрасные плоды дает свои.

И матери, протягивая руки
К младенцам, верно, думают о том,
Что скоро нужно справить Праздник Люльки
И всех родных созвать в счастливый дом.

Дитя растет, мудреет и мужает,
Пока не оборвется жизни бег...
Но часто среди нас и так бывает:
Живым теряет друга человек.

Мы обрядим покойника, как нужно,
Сойдемся в путь последний проводить.
Но если умирает наша дружба —
Как отпевать и где похоронить?

Вдова, когда супруга потеряет,
Вся в черном ходит долгие года.
Но если наша дружба умирает,
Какой наденем траур мы тогда?

Когда скорбящим тот, кто умер, снится,
Они хранят молчания печать.
Но от живого никуда не скрыться —
Его всегда рискуешь повстречать.

О, как душа болела и томилась,
Когда впервые друга потерял:
С ним ничего худого не случилось —
Был жив мой друг, но как бы мертвым стал.

Я в горе не искал бы вдохновенья,
Когда бы в дружбе дорогих людей
Двух родственных сердец соединенье
Все побеждало прочностью своей.

Я о беде писать бы не пытался,
О дружбе никогда б не тосковал,
Когда бы, как в горах, не начинался
С падения двух камушков обвал.

Когда бы умер я — тому, другому,
По старой дружбе все бы мог простить.
Но как воздам я мертвецу живому?
Нет кладбища, где прах захоронить.

* * *

Стал зрелым юношей подросток хилый.
Он рослым стал и крепким как-то вдруг,
И ныне нет преграды перед силой
Его налитых мускулами рук.
Пред ним открыты все пути земные,
Ему подвластны в мире все стихии,
И стала сильная его рука
Настолько грубой, чтоб теперь впервые
Погладить нежно пряди золотые
Его любимой, что нежней цветка.

ОДИНОЧЕСТВО

В темном небе оставляя светлый след,
Над землею тихо движется луна.
Миновали миллионы долгих лет,
А луна средь звезд по-прежнему одна.
Люди смотрят в небеса, восхищены
Живописным одиночеством луны.

Солнце в небе появляется, оно —
Как предвечный, вечный двигатель планет —
В одиночестве сиять обречено,
Всей вселенной посылает добрый свет,
Матерински помогая жить живым
Бескорыстным трудолюбием своим.

Старики поэты славили царей,
Выбирали наилучшие слова,
Чтобы выхвалить в чаду земных страстей
Исключительность царя, как божества,
И твердили, суетясь у царских ног,
Что лишь бог один — прекрасно одинок.

Я не солнце, не луна, не царь, не бог —
Неземного одиночества не знал,
К свету доброму тянулся, как росток,
Человечности законы постигал
И скажу, друзьям признательность храня:
«Одиночество смертельно для меня».

ЗВЕЗДОЧКА

В углу вселенной, на краю пространства
Горит звезда, чуть видная с земли,
Наверно, в одиночестве тоскует
От прочих звезд, сверкающих вдали.

Ни облаков над нею, ни тумана,
Ни дождика из благодатных туч.
Едва мерцает, на глазах слабея,
Ее во тьме колеблющийся луч.

Зачем сияешь, если так печальна?
Зачем ты светишь светом не своим?
Зачем от звезд родных ты отдалилась,
Когда не знаешь, как вернуться к ним?

СОН

Лет пятнадцать нам дано prospать
В жизни этой. В пору невезенья
Хорошо бы, в сон уйдя, не знать
Ни тоски, ни горя, ни волненья.

Пусть тогда, будить устав, друзья
От меня в обиде отвернутся,
И просплю остаток жизни я, ,
Чтобы в дальнем будущем проснуться.

Может, будет в мире посветлей,
Подобрей — земля красивей станет,
И, как в книгах пишется, на ней
Время изобилия настанет.

Зла не будет. Добрые сердца
Вечною наполнятся любовью.
И не встретишь больше подлеца.
И руки не запятнаешь кровью.

Вот тогда-то вспомнишь времена,
Где с чумой в трагическом соседстве
Шли насилье, рабство и война,
Голод и без счета прочих бедствий.

Кто ж тот век счастливым назовет?
Кто его страдания излечит?
Кто его обиды перечтет?
Кто его хотя б очеловечит?

Славный век! Ликуя и скорбя,
Не устав любить и ненавидеть,
То счастливым вижу я тебя,
То хочу заснуть, чтобы не видеть.

Но едва попробую заснуть,
Но едва лишь я глаза прикрою,
Вижу вновь многовековый путь
Жизни тех, кто жили предо мною.

Разная у них была судьба,
Но мечта одна владела всеми —
Счастье человечества, борьба.
Сон подобен смерти в наше время.

ОШИБКИ

Наполеон пред роковым сраженьем
При Ватерлоо промах допустил,
Он за свою ошибку пораженьем
И осужденьем вечным заплатил.

Тимур народы подвергал гоненью,
Кто друг, кто враг, судить он не хотел.
Который век проклятье и презренье,
А не забвение — его удел.

Я был неправ, прими мое признание,
Я сам своей ошибкой сокрушен.
Не на века назначь мне наказание:
Я — не Тимур и не Наполеон.

ОБЛАКО

Чем было это облако сначала?
Прозрачным озерцом в краю у нас.
Вода о дальних странствиях мечтала,
И белым облаком на небе стала,
И в дальний путь отправилась тотчас.

Что надо делать, облако не знало,
Но за пустыни и за перевалы
Оно легко уплыло наугад.
Поплыло вдаль и вскоре заскучало
И думать стало о пути назад.

А ветры облако куда-то гнали,
И облако заплакало в печали
И с неба наземь пролилось дождем,
И капли влаги земли напитали
И стали ручейком в краю чужом.

Бежит ручей по незнакомым скатам
И в камни тычется подслеповато
В своем далеком горестном пути.
Он бьется в берега, течет куда-то
И все не может родину найти.

ЛЮДИ

И сходятся и расстаются люди.
Что встретятся опять, кто даст зарок?
Пусть остается путник, гостем будет,
Смеркается уже, а путь далек.

Гость остается: подождет дорога.
Дает хозяин пить ему и есть.
Не всякий раз еды бывает много,
Но всякий раз все то, что в доме есть.

Хозяин гостю изливает душу,
И гостю тоже есть что рассказать.
Не надоест им говорить и слушать,
И замолкать, и начинать опять.

Речь сладкая течет и чай нежидкий,
Но снова ночь и надо отдохнуть,
А утром сложит гость свои пожитки
И вновь отправится в свой дальний путь.

И друг у друга, чтя обычай свято,
Имен они не спросят, встав чуть свет,
Вновь суждено ль им встретиться когда-то?
Кто знает: может, да, а может, нет.

КАТОК — СКОЛЬЗКИЙ ЛЕДОК

Хрустальный сад — в счастливом голоске.
Ты катишься по льду с веселым смехом.
Сегодня ты впервые на катке,
И я, дочурка, рад твоим успехам.
Мой взгляд, как луч,
Летит тебе вослед.
Твой папа рядом —
Ты об этом помнишь.
Не бойся, беды большой тут нет,
Коль упадешь —
Я поспешу на помощь!
Добр, светозарен солнечный денек,
И легок снег, как бабушкины руки,
И тянет за собою лед упругий.
На полюшке серебряном побудь,
Пока не скрылся день за скользкий полог.
Знай, в мире есть
Один лишь гладкий путь —
Каток,
И, словно детство, он не долог.
Ты станешь умной, взрослой —
Срок придет

Тебе самой задуматься о многом.
Когда-нибудь ты вспомнишь этот лед,
Пройдя по трудным жизненным дорогам.
Что там случится на твоём веку,
Тебе сейчас задумываться рано.
Беги, скользя по звонкому ледку.
Да не скользи потом по жизни,
Ладно?

ЖЕЛАНИЕ

О чем он, маленький, лопочет
И просит брата битый час:
«Ну покажи хотя б разочек,
Ну дай взглянуть хотя бы раз!»

Твердит об этом непрестанно
И тянет брата за рукав.
Брат уступает,
Из кармана
Лениво что-то там достав.
Покажет и обратно прячет,
Решив от братца отдохнуть,
Но младший снова чуть не плачет:
«Ну дай еще разок взглянуть!»

Стараясь к брату подольститься,
Обнимет, гладит по щеке —
И вновь какая-то вещица
Мелькнет у брата в кулаке.
Что детское волнует сердце,
Тревожит душу не шутя?
На что не может наглядеться
Неугомонное дитя?
Каким таинственным предметом

Пленился он —
Неясно мне,
Но, видно, он мечтал об *этом*
И *это* видел он во сне!
Стекляшка цвета изумруда?
Игрушка? Камень?
Не спеши,
Неважно!
Это было чудо
Для впечатлительной души...

* * *

— Проснись, проснись,
Какое солнце
Играет на твоём челе,
Счастлив, кто вовремя проснется
В такое утро на земле!
Зачем ты взгляд отвел устало?
Зачем опять закрыл глаза?
Постой, я вижу, заблестала
Среди ресниц твоих слеза!
Послушай, кто тебя обидел?
Не спи! Ответь скорее мне!
— Я молодость свою увидел...
— Но где?
— Да только что — во сне.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

I

Когда вдали чернеть вершины станут
И в сад туман проникнет на закате,
И ветром подгоняемый, как странник,
Террасу дома медленно захватит,
Обняв тебя в мечтах, моя отрада,
Жду нашей встречи в пору листопада.

II

Здесь все прекрасно: неба полог черный
И взгляды дальних звезд, грубы и дики.
Шуршит камыш над бойкою речонкой —
Различны шумы, тени многолики.
Я слушаю, смотрю — и восхищаюсь.
Потом к осенним думам возвращаюсь.

III

Чего хочу? О чем душа мечтает?
Чуть шум в кустах негромкий раздается,
Я вижу: осень меж ветвей плурует
По листьям, по траве тайком крадется,

Волнуясь, но других не беспокоя...
Есть в этом что-то доброе, людское.

IV

Как будто жизнь и смерть приемля просто,
Подобно старцу на краю могилы,
Махнув рукой, сухой и желтой, осень
Рассказывает мне про все, что было,
И шепчут листья, тихо облетая.

V

Где обитает вечное цветенье?
Где та весна, что бесконечно длится?
И почему таит воды течение
Печальный смысл, что жизнь не повторится?
Но все-таки весна приходит снова.
Зачем же к людям так судьба сурова?

VI

Вздыхает тихо осень, задавая
Мне вечные, как мир, вопросы эти.
Я снова жизнь свою переживаю:
И что ж — я лишь весну узнал на свете...
Но, не прощаясь с юностью своею,
В печальных мыслях я на миг старею.

VII

И рвутся из души слова! Скорей
Карандаша затачиваю кончик.
Светает... Жизнь моя, ну будь добрее,—
Куда спешишь, зачем летишь, как гонщик?
Спешит сорваться лист, мне ждать не надо...
Спеши и ты ко мне, моя отрада.

МАТЬ

С небес звезда падучая упала,
И кажется, что прекратилась связь,
Нарушились какие-то начала
И, может, чья-то жизнь оборвалась.

О мать моя, с той роковой минуты,
Как в горе осознал я твой уход,
Все думаю, все жду я почему-то,
Что звезды упадут
И рухнет небосвод!

МИР ЗЕМНОЙ

В далеком прошлом вижу дом родной,
Где годы детства быстро пролетали,
Где бойко и почтительно со мной
Когда-то сестры младшие играли.
Теперь я со слезами и тоской
Об этих милых играх вспоминаю —
И снова слышу детский смех живой,
Но как вернуться в те года, не знаю.
О мир земной, ты щедр и добр ко мне,
Но будь еще сестрою младшей мне.

Потом я понемногу подрастал
И старших братьев ощущал заботы,
Пока и сам им ровнею не стал
Среди веселья и среди работы.
Теперь я со слезами и тоской
Дни юности порою вспоминаю,
Когда тянулся к братьям всей душой,
Но как вернуться в те года, не знаю.
О мир земной, ты щедр и добр ко мне,
Но будь еще и старшим братом мне.

Как жаль, что нынче рядом нет отца,
Мне доброго совета не хватает,

Живого взгляда, острого словца —
Поддержки, что нам силы прибавляет.
Теперь я со слезами и тоской
Отцовские уроки вспоминаю —
Уроки жесткой нежности мужской,
Но как вернуться в те года, не знаю.
Ты щедр и добр ко мне, мой мир земной,
Так будь еще отцовски строг со мной.

Я мать родную рано потерял.
Оплакивая долгими ночами,
Я много лет по-детски горевал
О доброй, горячо любимой маме.
Теперь я со слезами и тоской
Ее глаза и голос вспоминаю
И чувствую ее ладонь щекой,
Но как вернуть мне это все, не знаю.
Ты щедр и добр ко мне, мой мир земной,
Так будь еще мне матерью родной.

ТВОЙ ГОЛОС

Памяти дочери

— Папочка, папочка, дождик льет пестрый.
Всюду ручьи, словно пальцы, легки.
У ручейков мои младшие сестры
Засуетились, как ручейки.

Дождиком вечным — слезы мне ближнего
Музыкой память возьмут вдруг в тиски.
Может, коснется слуха недвижимого
Вашего сердца звуки тоски...

* * *

Ветра осенние завывли в тишине,
Воспоминанья им отозвались.
Приди, моя любимая, ко мне,
Как паутинка осени, спустись.
Пойдем с тобой в прохладу и в туман
За призрачным лучом ночной звезды,
Пусть ближний дождь и ветер дальних стран
Сотрут с тропинок наших ног следы.
За нами листья желтые летят,
Пытаются глушить шаги твои,
И нам сады так нежно шелестят,
Как тени, что вздыхают о любви,
Безбрежный мир нам нынче добрый друг;
Печаль и радость с нами заодно,
И осень ровно так горит вокруг,
Как сердце, что навеки влюблено.

СТИХИ МАТЕРИ

*Памяти Турды Карвон-кызы,
матери моей, посвящаю*

1

Что-то я нынче покоя не знаю,
День мой не светел и ночь не темна:
Снова я маму свою вспоминаю —
Странно и нежно мне снится она.
В свете луны заблестит опахало,
Тонкую руку рукав обовьет,
Мать улыбнется светло и устало,
Жестом знакомым меня позовет.
И, наклоняясь над зыбкой моею,
Станет укачивать и напевать:
«Спи, засыпай, мой сыночек, скорее,
Ты притомился, пора засыпать»...
Я от нее убегаю, пытаюсь
Крикнуть, но крика не слышу. Рукой
Гроба, возникшего рядом, касаюсь —
И просыпаюсь, измучен тоской.
И, обессилев, глаза открываю.
Дух угнетен мой, и сердце в огне.

К тени родной безответно взываю:
«Что ж ты, зачем ты приходишь ко мне?»...
Так ты меня в свое время любила,
Что я тонул в материнской любви.
«Дай бог удачи тебе,— говорила,—
В счастье до старости, сын, доживи».
Счастьем дарила, а вряд ли видала,
Жить наставляла, а рано ушла,—
Нежность, которой семью одаряла,
В землю с собою не унесла.
Братья мои, о тебе вспоминая,
Тоже горюют и плачут, как я.
Ты возвращайся почаще, родная,
Не покидай меня, мама моя.
В жизни земной не напрасно ведется:
Мать, оставляя родных и детей,
В юных сердцах навсегда остается,
Нежностью их наполняя своей.
Жить на земле — это трудное дело.
И, навещая хотя бы во сне,
Мать, пожелай, как ты в детстве умела,
Мудрости, силы и мужества мне.

В тот день забот и мелких огорчений
Хватало — я их так переживал,
Что только после торжества узнал
О доброте твоей: из личных сбережений,
Рубля не утаив,— все, что имела,—
Ты отдала отцу, чтоб свадьба у меня
На славу удалась, чтоб пышная родня
Была довольна. Далеко глядела
Ты, мать моя. Не за себя старалась,
За сына, говоря: «Пусть новая семья
Жизнь начинает с праздника, а я
Уж как-нибудь»... Заботливая старость
Для молодости все отдать готова.
О мать моя! Когда теперь смогу
Воздать тебе? Навек, навек в долгу
Пред добротою дела, а не слова.
В последний час ты думала о сыне,
Мечтой о счастье сына ты жила.
Какой ты бескорыстною была,
С тоской и болью помню я доньне.
Все будет, как желала ты когда-то:
Столы широко свадьба разведет,
Веселье к нам надолго в дом придет,
И счастьем станет наша жизнь богата.

Ни красотой, ни статью не уступит
Та, что была тебе других милей,
И упадут цветы под ноги ей,
Когда она в мой дом невестой ступит.
Ее моя сестра тогда приветит
И, как сестру, к груди своей прижмет,
Моя родня ее в родню возьмет —
И лаской всем жена моя ответит.
Друзья ко мне пожалуют и семьи
На той возьмут, ликуя и трубя,—
И тем стократ умножится веселье...
Но где, о мать, тогда искать тебя?

Мне помнится, был я в тоске и обиде,
Не рад был ни солнышку, ни соловью,
Но вдруг у тебя под подушкой увидел
Стихи свои — первую книжку мою.
Застыл я на месте: так стыдно мне стало
За все, что в ней есть, и за все, чего нет.
Но ты повернулась ко мне и сказала,
Сердечно сказала: «А сын мой — поэт!»
Я знаю, ты верила больше, чем надо,
И больше других от меня ты ждала.
С тех пор теплота материнского взгляда
Мне высшей хвалой за успехи была.
Ты, знаю, хотела, чтоб стал я поэтом —
С тех пор я в разладе с собой и судьбой:
В долгу перед миром, еще не воспетом,
В долгу перед совестью — перед тобой.
Был нем я и робок, был слеп и неточен,
Когда о тебе говорить начинал.
О мать и Отчизна! Прекрасен и прочен
Союз ваш, я песню ему подчинял.
И песня моя понемногу мужала,
И голос мой креп на виду у людей,
И песня моя иногда отражала
Величие матери доброй моей.

Быть может, и время уже недалеко,
Когда меня строго проводят друзья
Туда, где, от близких вдали, одиноко
Покоится милая мама моя.
Друзья, с кем в беде мы и в радости дружим,
В молчанье ко мне на могилу придут
И, в скорби над холмиком встав полукружьем,
Не мне, а тебе они долг отдадут.
Не мне, а тебе это горькое бденье,
Не мне, а тебе их немая хвала,
И позднее — это вот! — стихотворенье,
Что я написал, твой поэт Абдулла.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Небо рассыпает к горизонту пепел.
Облака устали — день давно не светел.
Почему погода так грустна порою,
Почему расстался
Надолго с тобою?..

* * *

По тропке среди песков, сил больше не имея,
Ступает неизвестный в суховой.
Коль это ты — то подойду к тебе я,
Коль это я — друг, подойди скорей.

* * *

Сиротствует среди галок соловей,
Сиротствует родник среди камней,
Познавшие любовь, и мы — сироты
Среди любви не знающих людей.

* * *

Дни, что пройдут, ничья потом рука
Не сможет возвратить издалека.
Взгляни ж в глаза мне, видишь, там застыла
Слеза, не пролитая мной пока.

* * *

Готовит люльку добрая рука,
Растят коня для малого сынка,
Лишь кто-то, может самый дальновидный,
Ему строгают посох старика.

* * *

Возможно, в этом вовсе нету чуда,
Но правда — мир походит на базар:
За жизнь свою не встретил я покуда
Того, кто б говорил, что плох его товар.

* * *

Дни бегут за мигом миг...
Что надменен ты, прохожий?
Что пинаешь камни? Их
Над твоей могилой сложат...

ПОЭТ

Не думай, что поэт
Земного сторонится.
Он не обходит зол
И не таит добра.
На то он и поэт,
Что легок, словно птица,
Хоть груз его тяжел,
Как снежная гора.

ГОВОРИЛ МУДРЕЦ

Мудрец учил —

Полегче путь попробуй-ка найди.

Более возможного ни в чем возможности не жди.

Не требуй только от реки, чтобы была рекою,

Не жди, что морем станет вдруг она в своем пути.

КРЫЛЬЯ

У нас нет крыльев, наша ли вина?
И все же мы не чувствуем бессилья.
Что птица?
Совершенней ли она?
Способность мыслить птице не дана.
Не потому ли ей нужнее крылья?

ПЕСНЬ О КАРШИ

Отцу посвящаю

Я родился и вырос в объятиях этих степей,
Где в старинных прудах вековая печаль затонула.
Но отправился рано на поиски доли своей,
И надолго меня суета городов затянула.

Что искал, находил, чтобы то, что нашел, потерять;
Над водой Сырдарьи я простаивал целыми днями
И пытался, безумный, стихи обо всем сочинять,
Вдохновленный на это царями весны — соловьями.

Здесь я жизнь познавал, приобрел и врагов, и друзей,
Схоронил стариков, что ума мне прибавить старались,
Повстречался на счастье я с первой любовью своей,
Чтобы горе изведать, когда мы навеки расстались.

И сегодня стою пред тобою, о край мой родной,
Словно конь молодой, что, набегавшись, в стойло
вернулся.

Как же мне описать этот мир необычный, степной
И народ мой, который под тяжестью зол не согнулся.

Степь моя, кто, скажи, благодатной тебя назовет
В дни палящей жары посреди беспощадного лета?
Если даже весна вдохновенье поэту пошлет,
Летний зной отобьет настроенье писать у поэта.

Степь моя — это мир, где одни лишь пески да пески,
Красно-серые пустоши, полные тайной угрозы,
Обиталища ветра, приюты гнетущей тоски,—
Нет поэзии в этом, пожалуй, что нету и прозы.

Но степная весна так прекрасна и сердцу мила,
Как лицо материнское после тяжелой разлуки.
Степь весной от цветов даже ночью бывает светла,
Хоть и помнят цветы о песчаной безжалостной вьюге.

Как ягненок, дрожит молодая трава на ветру,
Тень от тучки по ней пронесется легко и крылато,
Но стремительный ливень прервет ненадолго игру,
Чтобы степь напоить, освежить травяным ароматом.

Перед летней жарой оробев, затаится весна,—
Так таится газель, своевременно чуя опасность.
До свиданья, весна! Степь еще хороша, зелена,
Но уже выявляются в ней пустота и безгласность.

А минует весна — и в шафраново-желтых степях
Заколышутся смерчи, и зелень травы из просвета
В пыльной туче мелькнет, как улыбка на милых устах
Перед долгой разлукой,— вот так начинается лето.

На горячий песок, что едва не дымит под ногой,
Сверху льется лавина палящего воздуха,— встреча
Двух стихий страшнее огня, и текут они долгой
рекой
Через полдень — к прохладе, которой означится вечер.

Ничего нет прекрасней спокойных степных вечеров:
Горизонт отодвинут и чист, разгораются ясно
Разноцветные звезды — и свет отдаленных миров
Разольется над степью, с земным уживаясь согласно.

Больше жизни люблю эти звездные ночи — они
Привлекали всегда красотой и вечною тайной.
Иногда торопил я неспешные летние дни,
Чтобы, глядя на звезды, беседовать с далью
бескрайней.

Сколько в мире людей, столько взглядов на звезды.
Порой
Люди так далеки друг от друга, как в небе планеты,—
Наблюдение неба им кажется детской игрой,
И с презреньем бегут от влюбленного в звезды поэта.

Можно все пережить, если ты к испытаниям готов,
Если радость тебя посещает в беде не случайно.
Так и здесь: отрешившись душою от звезд и цветов,
Невозможно бороться с пустынностью краснопесчаной.

Да! Куда ни взгляни — всюду знаки прошедших
времен.
Искандер и Кутайб. Городища. Гробницы. Руины.
Здесь Тимур возмужал и союзом окрестных племен
Чингизидов страшил. Много видели эти равнины.

Что осталось от тех, кто могуществом мир потрясал?
Лишь легенды, а в них — кровь, и слезы, и боль
разрушенья.

Если б я обо всех по порядку сейчас рассказал,
Не хватило бы года для краткого перечисленья.

Сколько было эмиров — никто никогда не сажал
Ни куста в эту землю, что гиблой считалась от века.

И с душевной печалью я жизненный путь представлял
Старожила Карши — кочевого степного узбека.

Есть в пустынном просторе простая могила одна.
Каждый раз, как приду на песчаную эту могилу,
То горюю о том я, кого укрывает она:
Он любил эту землю — земля же его и сгубила.

Он колодец копал, чтобы вывести воду на свет,
Но обрушился пласт, и труды его смертью
прервались —
И мечта о воде отделилась на несколько лет:
Люди долго еще потревожить пустыню боялись.

Не случайно сказал я о деде несчастном своем,
Не случайно в строку это имя негромкое вставил:
То, что начал он, помнится, не порастает быльем.
Все же добрый он след на земле и в народе оставил.

Внук ученый его, я ступаю по следу тому,
О теченье времен, о коварстве судьбы размышляю,
Свет высокой мечты, что когда-то светила ему,
Не тускнеет ничуть — я его в наших буднях встречаю.

Ту мечту о воде никаким не засыпать песком,
И смертям есть предел, и несчастьям исчислены
сроки,—

Та мечта полыхает над каждой могилой огнем,
И надеждой народ называет огонь тот высокий.

Расцветет эта степь, дни больших изменений грядут.
Как сказал Муками:¹ «Станет кладбище садом».
Но услышат ли предки грядущего радостный гуд
И поймут ли они, что мечта воплощенная — рядом?

---

¹ Муками (1851—1903) — узбекский поэт-просветитель.

Я в свой срок одолею земную дорогу свою
И с собой унесу и мечты, и надежды, и планы.
Но едва меня вспомнят живые, легко разобью
Надмогильные плиты — хоть духом бесплотным, а
встану.

Ведь недаром же вспомнился дед: как живой,
Бродит он по степи, что полна и движенья, и гула.
Нет, не духами древних пустыня живет, а — рекой.
Нет, не бог, а река здесь насадит леса саксаула.

Можно бы не писать о воде, но сама-то вода
Все равно протечет по Карши — по цветущему краю!
И когда вспоминаю о времени прошлом, всегда
Я с грядущим его, я его с настоящим сверяю.

Мой народ, если только захочет, кетменем простым
Разрыхлит эту землю и влагой арыки наполнит,
Цвет не желтый — зеленый он сделает цветом пустынь.
Нынче в степь он пришел, значит, все, что задумал,
исполнит.

Нынче хочет народ, чтоб в пустыне плескалась река,
Вековая мечта в наши дни дождалась воплощенья.
Пусть она забурлит, загремит во владеньях песка,
Устрашая удильщиков силой и мощью теченья.

Где покамест река в старом русле спокойно бежит,
Много птиц в камышах, много рыбы в нетравленных
водах.

Во все стороны мир далеко и надолго обжит —
Лад и дружбу река укрепляет в соседних народах.

И, подобна клинку, под немеркнущим солнцем блестит,
Аргаману подобна, несется безудержно, прямо.
Средь сыпучих песков то свернуть, то исчезнуть грозит,
Никого не боится, спокойна, хитра и упряма.

Ах, вода, ты куда? Не сравнить ни с какою рекой.
Ты зачем так спешишь? Не ответит, слепа и безбрежна.
Поспевая за ней, потеряешь и сон и покой,
А она все поет, все журчит — безгреховно и нежно.

Я сегодня пришел на свиданье с тобою, река,
Не шуми, не шали, будь на время добра, не жестока.
Вот стою пред тобою, а ты, словно степь, велика.
Так прими, о река, мой поклон, как привет от притока.

Человек на земле — как песчинка в стихии реки,
Постигает всю жизнь бесконечность подлунного мира.
Но покуда ты есть, мысль и дело мои широки,
Есть народ мой — и я дерзновением выше Памира.

Если с горных вершин я родную Карши огляжу,
То страну и народ в широте и в расцвете увижу.
Если силу народа ко благу степей приложу,
То к мечте изобилья бесплодную землю приближу.

Нам эпоха велит быть великими: цель по плечу —
И поток потечет, как того пожелают народы.
Я не только мечтать, я участвовать в этом хочу.
Да придут на великие земли великие воды!

* * *

В апреле осень. Грусть такая.
Холодный вечер за окном.
Звучит печально песня ная.
Скажи, о чем она? О ком?

Среди листвы мерцают звезды...
Что юность? Не найти следа...
... О ком —
Мои бывшие весны?
О чем —
Дрожащая звезда?

Пора любви, пора полета,
А за окошком най грустит.
Как будто шпага Дон Кихота,
Там ветка тополя висит.

О чем моя бывшая гордость?..
Печальней нет календарей,
Когда поэт теряет голос
И пахнет осенью апрель...

* * *

Благословенно прожитое мною,
Все, что уже не повторится впредь,
Все то хорошее и все плохое,
Чем мне гордиться и о чем жалеть.

Все было: и падения, и взлеты,
Но, размотав клубки своих дорог,
Я видел то, что не увидел кто-то,
И то сказал я, что другой не смог.

Хоть мне неведомо, что предо мною,
Но я благословляю наперед
Все то хорошее и то плохое,
Что ждет меня еще и что не ждет.

И пусть за тем ближайшим поворотом
Лучи не мне назначенных дорог.
Что не увижу я, увидит кто-то,
И кто-то скажет то, что я не смог.

ЗАПОВЕДНИК

Заботливо мы бережем растенья,
Животных редких тоже бережем.
Отдаем мы сердце им и время,
Приют их заповедником зовем.

Заказан путь в него всем браконьерам,
Штрафуем их мы и грозим тюрьмой,
Чтоб сохранить зверью
Жизнь первым делом,
Чтобы с земли не сгинул мир живой.

То — добрая любовь к зверью на диво,
Забота, чтоб ему жилось в тепле.
Покамест где-то это чувство живо —
Быть жизни, быть природе на земле.

Все редкостью становится на свете,
И чуткость стала редкостью теперь.
Мне б чистоту сердец облечь в бессмертье
От риска охранить и от потерь.

Честь берегите — ведь ее так мало! —
Чтобы сгубить бесчестьем не смогли.

Вы святость берегите, чтоб не стала
Редка,
                    коронованные
                                    журавли.

Вы верность берегите, чтобы где-то
Смерть не нашла нас,
Как медведь больной,
Стыдливость берегите, ибо это
Птенец пред злою огненной стеной.

Вы берегите веру беспрестанно,
В ней всех стремлений человечьих кладь.
Пускай ее потомки вновь не станут
Как человека снежного искать.

Вы берегите совесть, как ребенка,
Как землю, что не отдали врагам.
Пускай дойдет сохранным до потомков
Дар, что достался по наследству нам.

Пусть святость чувства сохранится долго —
Сове не доверяйте соловья.
Чем отличить жестокого подонка
От хищного и злобного зверья?

Но справедливость — нам за все награда.
Мать бытия, единственный судья.
Как заповедник, что беречь нам надо —
Сердца людей и вся земля моя.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Едва от рожденья — попала она
в тот грязный, заиленный хауз,
и крошки ловила, и илом со дна
играла,
и в нем задышалась.

И все, что на свете ей видеть пришлось —
лишь хауз, да палые листья
разросшихся талов,
да небо, насквозь
прошитое веткою лысой.

Лишь хауз заброшенный с грязной водой
с листвою полусгнившей
да илом...
И горько, что рыбке моей золотой
вот это —
и кажется миром.

ВЗГЛЯД НА ИСТИНУ

Из всех зверей на солнце только лев
глядит не щурясь — полдень ли, заря...
Поэтому-то звери, присмирив,
во льве признали своего царя.

А ты, не устающий возглашать,
что истина превыше всех светил,
царь всей природы, добрая душа,
ну почему глаза ты опустил?..

* * *

Ты рядом —
И в моих глазах весь мир прекрасен.
Ты рядом — и мне вселенная мила.
Я без тебя во тьме живу, несчастен,
И без тебя сгораю я дотла.

В твоём свиданье — жизнь превыше рая,
Ты не увянешь, схожая с цветком.
Так ты мила, сладка мне, дорогая,
Но ты сама не ведаешь о том.

ТРЕТИЙ

Когда любовь приходит вдруг к двоим,
они совсем одни на белом свете.
И невдомек слепым, смятенным им,
что между ними все же есть и третий.

Он — тот, чей взгляд особенно остер,
хотя вам это разглядеть едва ли.
Он по-хозяйски разводил костер,
когда другие зверя добывали.

Он нужен всем и в миг любой, и впрок,
посредник, — запыхавшийся с дороги,
посыльный у царей или пророк,
донесший человеку мысль о боге.

Слуга влюбленных, чью развеять грусть
умел, устроив тайное свиданье,
стихи поэта знавший наизусть
о той, что — свет и радость мирозданья.

Он — тот, который, свято чтя закон,
слывет судьей... И я скрывать не буду,
что лишь его боюсь... Мне страшен он,
пока так много зла еще повсюду!

Он может в друга превратить врага
и друга — во врага в одну минуту.
С ним до беды — каких-то два шага,
коль он начнет безжалостную смуту.

Сон явью назовет, востоком — юг,
а карлика — гигантом,— что такого?
К несчастью, много есть людей вокруг,
которые пойдут за ним без слова.

И если этот третий — среди нас,
имеющих и слабости, и страсти,
еще мы в бездну упадем не раз,
не раз узнаем всякие напасти.

Неужто так несбыточна мечта:
увидеть мир, где честь — всем мерам мера,
где совесть неподкупна и чиста
и неразменна, непродажна вера!

Ты, третий человек, печаль моя,
моя неистребимая тревога,
кто б ни был ты: тот, этот, сам ли я,—
о научись щадить, хотя б немного!

* * *

Позовет меня дорога —
И уйду я вслед за ней
В даль от нашего порога,
От счастливых наших дней.

Ты, в окно пустого дома
Заглянув, увидишь там:
Кто-то вовсе не знакомый
Тихо ходит по коврам.

То присядет, то привстанет,
То на звезды поглядит,
То мечтать о чем-то станет —
Сам с собой заговорит.

Может, ты его окликнешь
Старым именем моим,
А со временем привыкнешь
Разговаривать с чужим.

Утомительно и странно
Наша будет жить любовь,
Как невидимая рана
Нарывая вновь и вновь.

И, на улице встречаясь,
Будем мы обречены
Расставаться не прощаясь
И казниться без вины.

Нет, не верю в охлажденье,
В рознь, в забвенье наконец —
В медленное отчужденье
Прежде любящих сердец.

ОЗЕРО СЕВАН

Севан восславить время подошло:
Сверкает озеро доверчиво и ясно,
Как небо над Арменией, светло
И, как земля Армении, прекрасно.

Так пусть Зангу¹ иссякнет, в пустоту
Уйдет вода, лишь горя б ты не знало —
Вовек бы сохраняло чистоту,
Вовек свою прозрачность сохраняло.

---

¹ З а н г у — старинное название реки Роздан.

ПАМЯТЬ УШЕДШИХ

Мне сон приснился
И черное море — в нем.
Прыгали волны в небо,
Дымилась мгла кругом.
Был горизонт не виден,
И далеко причал.
И в сторону маяка корабль курс свой строгий держал.
На палубе, как на сцене, этого корабля
Увидел своих приятелей,
Друзей закадычных я.
В кругу их,
Как в центре рая, радостно стою,
Смеюсь я, и все мне кажется — в родную попал семью.
Когда же корабль к берегу
Прибыл средь бела дня,
Муки морской дороги вымотали меня.
О, как же, о как хотелось мне отдохнуть хоть чуть —
Уже без меня корабль снова пустился в путь.
На берегу кружился в отчаянье долго я:
— Зачем ты увез, корабль, в чужие увез края
Друзей моих неразлучных,
Без них я жить не могу...—
Так горевал я долго у моря, на берегу.
Когда же исчез вдаль он,

Проснулся я весь в слезах,
Плакали тихо звезды в сумрачных небесах.
«Это ведь просто призрак, это всего лишь сон!»
Так утешал я сердце, горестью удручен.
Это ведь сон, и только, нечего горевать,
Я повторял — и слезы
Застили взор опять.
Твердил я, что не обидно
От корабля отстать,
Вокруг синева такая, повсюду такая гладь!
И все ж на земле стоял я,
И было горько до слез,
Что от меня корабль навеки друзей увез.

МУМИН МИРЗО

Сам Навои твои увидел слезы,
В его груди пророкотали грозы,
Но в сердце вздох поник, как никнут розы,
Мумин, мой младший брат, тебя убили!

Оковы золоченые надели,
Уважить сына ханского хотели,
Какая это подлость, в самом деле!
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

Эмиры жгут костер над свежим прахом —
Им совести недодано аллахом.
Твой дед-пьянчуга согнут диким страхом,
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

Чем был для султаната ты несносен:
Невинен, чист и мыслями невзросел,
Не знал наук, не изучал ремесел,
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

Злодеи лишь решаются на это:
Как псы, травить детей, сживать со света,
Но в саван их душа уже одета.
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

То было время яда и обмана,
И в наши дни звучат рассказы странно
Про все печали Бодиуззамана.
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

Тебя уж нет, но все живут убийцы,
И в грудь младенца меч готов вонзиться.
Когда же мир от зла освободится?
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили.

Зачем я вспоминал, как это было?
Не для того, чтоб сожалеть уныло,—
В груди моей росли и крепи силы!
Мумин Мирзо, мой брат, тебя убили...

РОДНОМУ ЯЗЫКУ

О эта песнь, вовек живая!..
Пой, соловей, свисти, слагай,
Но, всем на свете подражая,
Не сложит песню попугай.

Язык родной, язык безбрежный,
Покуда бьется кровь твоя,
В стихах моих, живых и нежных,
Не гаснет песня соловья.

О не исчезни, умоляю,—
Все станет пусто и серо.
Не дай мне голос попугая
И попугаево перо.

* * *

Толкуют о стихах:

«Стихи искусны,
Но им печали свойственен налет!»
Зачем корить певца, что песни грустны,—
Что чувствует поэт, то и поет.

Что есть на свете — ненависть и милость,
Чем озадачен Запад и Восток,—
Все у поэта в сердце уместилось
И все звучит в строках и между строк.

Певец поет, лукавить не умея,
А если вам иной милее лад —
Пусть месяц в небе светит веселее,
Пусть так печально не горит закат.

Поэт избавить землю от печали
Не властен. Он всего лишь автор слов,
Не будет у людей в сердцах печали —
Не будет, может, и в стихах печали,
А может быть, не будет и стихов.

А ты, судильщик, не суди поэта,
Мол, есть в стихах печаль и нет красот.
На грусть стихов напрасно ты не сетуй:
Что чувствует поэт, то и поет.

СЛУШАЯ «МУНОДЖАТ»¹

Ах, скажи мне, о чем зарыдала
эта музыка в жадной тиши?
Этот плачущий голос рубаба —
что он хочет от бедной души?

Столько стонов столетья скопили,
столько горя под кровом земли —
так на что ему слезы скупые,
безымянные слезы мои?

Так он ждет их, так просит упрямо,
словно где-то меж стонущих струн
неоплаканный призрак Хайяма
коченеет на вечном ветру.

Или все, что душа отстрадала,
все бывшие невзгоды свои,
всю немую тоску Астрабада
возвещает векам Навои...

Сколько муки!

До крови, до боли
истерзал меня поздний закат.

---

¹ «Муноджат» — название классической мелодии.

Ах, оставь свои струны, довольно,
не терзай мою грудь, музыкант!

Если правда, что было так плохо,
как твердит этой музыки плач,
значит, мир нам не люлька, а плаха!
И природа — не мать, а палач...

Как рыдает напев! Как стремится
прозвучать чей-то горестный век!..
...Если музыка так им томится —
как же прожил его человек?

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВЕКА

История встает передо мною,
Как путь смертей и зол из века в век,
Но, не теряя общности с землею,
Растет от века к веку человек.
Борясь со всем, что жить ему мешает,
Стремится он к неведомой звезде
И тем себя над миром возвышает,
Что верит не печали, а мечте.
Рукам его дана большая сила,
Душе неуспокоенность дана.
Не это ль по земле его носило,
Влекло в дорогу и лишало сна?
То он поставит на ноги больного,
То на лодчонке в Арктику уйдет,
Чтоб со слепой судьбой схватиться снова
И выиграть сражение в свой черед.
То думою нелегкой тяготится,
То распевает гимны в дни весны,
То в звездное пространство устремится,
Чтоб облететь разок вокруг Луны.
Чего он ищет? Самоутверденье?
Чтоб целый мир у ног его лежал,
Ждал от него трудов и поощренья
И только лишь ему принадлежал?

И то, и это — *все* ему желанно,
И он всего добиться норовит,
Чтоб все постичь, и жаждой первозданной
Его душа по-прежнему горит.
Когда-то люди ждали бед от неба,
Друг друга в битвах тщились сокрушить,
И заменял мечту кусочек хлеба,
И заменяла счастье жажда жить.
Задавленные страхом и страданьем,
Народы народились и ушли,
Передоверив власть над мирозданьем
Нам — нынешним владельцам земли.

НАШИ!

Шли белые в атаку.
Смолкнул зал.
Но тут, с врагом в победный бой вступая,
Взметнули сабли конники Чапая,
И — «Наши!» —
Кто-то радостно сказал.

Фашистский «мессер» вспыхивал, как трут,
От метких пуль Рахимова — героя,
И улыбалась на земле пехота,
И — «Наши!» —
Повторяли там и тут.

Все потерявший — родину, покой —
Брел человек среди чужбины где-то.
Случайно услышал: «Москва. Советы».
И — «Наши!» —
Произнес с глухой тоской.

Не вечны мы.
Но если б каждый жил,
Пока не покорится смертной силе,
Так, чтобы люди на его могиле
Сказали просто:
«Этот нашим был!»

ТАК ОБЫЧНО ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК

Нет, не надо, оставьте, не надо,
Не желайте хвалы никакой,
Не твердите: покой есть
Услада.
Ах, оставьте — к чему мне покой?
А опутают грезы, как нити,
Иль засну сам себе на беду,
Вы окликните,
Слово скажите!
А бесцельно куда-то пойду,
Вы схватите за руки — там пропасть —
И верните в кипящий мой век.
Накажите:
        строй,
                делай
                        и пробуй.
Так обычно живет человек.

НАДЕЖДА

Лист завершен — очерчен жизни круг:
Страница счастья и страница мук.
Бульжник злобы — дело чьих-то рук,
Кто подал руку, говоря, что — друг.

Жизнь — это, значит, в глубине сердец
И радость есть и бремя бытия.
Но жизни всей начало и конец
Без Родины не представляю я.

Спокоен, величав курантов ход —
Величественно думы зажжены,
И в час, когда приходит Новый год,
Я радуюсь красе своей страны.

Нет радости, кроме нее, иной,
Ни участи, не веры потому.
Какого счастья и мечты какой,
Ей чуждого,— вовеки не приму.

Мир — океан,
Различен человек.

Судьба неповторима. Мир крутой
Гнездовьем счастья станет пусть навек.
А спутником души живой — покой.

Последний бой часов — горит звезда,
Прошел победный год, звеня листвою.
Поддай мне руку — как ты молода,
Моя страна — полвека возраст твой.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Не был он знаменит, и поэтом он не был, и все ж
С миром общую боль

Разделил, словно смертную дрожь,
Жизнь, подобно другим, прожил он. Жизнь обычно
прошла:

Шел спеша на работу, возвращался домой не спеша.

Но осмысливал мир тоже он глубоко среди дел,
На закатное солнце с печалью во взоре смотрел.

Хоть болело в груди,

Хоть закат догорал за холмом —

Жил спокойно, как жил, это было ему нипочем.

На поминках чужих не твердил он прощальных речей

И на свадьбах молчал — не спускавший ухмылки

ничьей.

Смерть — стрела, давней цели достигшая вдруг.

А рождение — это натянутый лук.

На спешащих к почету, на любящих чины горемык
Он поглядывать с доброй усмешкой привык.

Не искал, где легко, не искал ничего.

И гудела река в тихом сердце его.

Кто такой он, что думает — знать ни к чему,

Он души не открыл ни друзьям, никому.

Что комфорт — пустяки! Деньги — пшик! Слава —
дым!

Так и жил, беззаботностью легкой храним.
Простачок, говорили, тюфяк тюфяком.
Бей его! — и набросился б всяк с кулаком.
Но в глазах у него,
Хоть он скромн и прост,
Загорались лучи вдруг таинственных звезд.
Дрязги мелкие мира к чему?
Ни к чему,
Все пройдет, словно облака тень по челу.
На земле,
Что как зернышко проса мала,
Жизнь великого сердца неслышно прошла.
И откуда пришло оно — тайна,
Никто не узнал.
И с земли он безмолвно сошел, отмечтал.
Насмеявшись над миром — укол за укол —
Он ушел...

КАНАТОХОДЕЦ

Под синим небом
Рядом с облаками
Танцует он с закрытыми глазами.
То встанет и подастся чуть вперед,
То, как слеза на выгнутой реснице,
Висит он и паденья не боится,
То по веревке медленно идет.

Похлопайте ему!
Какой он ловкий,
Как по своей натянутой веревке
Легко скользит он в небе голубом!
Канатоходец смел, а мы-то с вами,
Бывает, и с открытыми глазами
И по земле опасно идем.

* * *

Кого-то мы обидели беспечно,
Не сделали какие-то дела.
Вчера мы думали, что юность вечна,
Сегодня огляделись — жизнь прошла.
Уходит все, и поздни сожаленья,
А у кого-то из друзей прощенья,
Хоть ты и должен был, не попросил.
Ты к старшему не проявил почтенья
И потому кому-то стал немил.
О совершенном мире мы мечтали,
О нем мы говорили, и не раз,
Но сами совершенны мы не стали,
А мир — известно — состоит из нас.
Летят года, мелькают, как мгновенья,
Хоть поздно, но приходит отрезвленье,
Обиды сходятся у нас в сердцах
И остается только утешенье:
Способны мы еще на сожаленье
О наших несвершившихся мечтах.

* * *

Жизнь коротка, а молодость короче,
Как взмахи век, мгновенны дни и ночи.
Уходит молодость, приходит зрелость,
Дней не вернуть нам, как бы ни хотелось.

Из наших всех надежд с теченьем лет
Одни сбываются, другие — нет,
И после назначает цену старость
Всему, что столь неценным нам казалось.

И что-то мы не прочь бы возвратить,
Переиначить и перебелить,
Но ни одно ушедшее мгновенье
Не возвратят ни слезы, ни моления.

не рано ль рок потребовал обратно?..
И вот, пленец безбожный Абдулла —
я прихожу

к подножию Абрара.

Хоть мало силы в сердце у меня,
и голосом судьба не подсобила —
а все ж созвучны наши имена
и сходная дарована судьбина!
Как бы одним завязаны узлом,
сражаемся, себя не разбазарив —
раздатчики великой мощи слов,
сладчайшего,

горчайшего из варев...

Мы среди тех, кто сквозь века несут
закон добра, ниспроверженье злобы —
хоть я

в слова запрятаваю суть,

а ты

освобождаешь суть из слова.

О сознаю: я суетен и мал
пред подвигом твоим и пред тобою,
и вровень мне не встать,

о славный мавр,

когда судьба

взовет ко мне трубою.

Но ведь и ты — в какой капкан полез!

Какую низость вывел на поверхность!..

О нет, не ревность разбудил подлец,

а наизнанку выворотил верность.

Не женщина —

суть жизни не верна!

Что может быть

больнее этой боли?..

Но за обман ты заплатил сполна

и умер,

как солдат на поле боя.

А я в тоске отчаянной увяз:
стою, смотрю. Как об отце, горюю.
Прости меня, что перепутал вас —
тебя, артист,

и твоего героя.

Но такова великая судьба.
Когда продует душу ширь сквозная,
мы путаем и лица и слова,
и кто мы здесь —

уже и впрямь не знаем.

И это пахнет больше чем игрой.

И, может, в этом —

высший смысл на свете:
когда-нибудь войти навеки в роль,
и в ней остаться

даже после смерти.

ПОЧЕМУ ТАК ЧЕРНЫ ГЛАЗА АРМЯНОК?

Отчего всех глаз других черней
Их глаза?
Гадаем мы напрасно.
Может быть, от сил, над нами властных,
Может, от любви их матерей,
За своих моливших дочерей,
Чтоб их были дочери прекрасны.

Нет, не от любви иль чьей-то воли
И не от молитв наверняка,—
Их глаза черным-черны от боли.
Я не знаю, кто на свете боле
Женщин Айастана за века
Видел бед и слез горючих пролил.

МОЙ КЕКЛИК

Вершин посланник, полюбил тебя я,
Средь птиц чудесных отличил тебя я,
В свой теплый сон, любя, впустил тебя я,
Живущий в речках и камнях, мой кеклик.

И привела меня к тебе зарница
Из Бабатага с другом смуглолицым.
То навещает человек, то птица —
Добро пожаловать, о мой изящный кеклик.

С моей ладони склевывал ты зерна,
Переливаясь вокруг меня, привольно
Ходил, глядел в глаза мои упорно,
Когда я был задумчивым, мой кеклик.

Ах, что случилось — отыщу едва ли
Тебя в садах Дурмена я в печали.
Но небеса, видать, приревновали.
Ты — другом был...
Где ныне друг мой кеклик?..

ДЕД И ВНУК

Старик шагает тихо от ворот
По улице. А в мыслях — гул веков.
А рядом внук встревоженный идет.
Отпустит — к солнцу полететь готов.

Рука дитя в руке у старика.
Внук думает: «Отпустит наконец!»
Освободи ты внука хоть слегка,
Он должен дальше ведь идти, отец!

Но должен он парить по небесам,
Храня твой образ у себя в груди.
Не привяжи его к своим ногам,
Отец, Восток мой, внука отпусти.

ДВЕ РЕАЛИИ

У парня в доме будет пусть покой,
Чтобы друзья мук совести не знали.
Грудь разрывает силою взрывной
Великое желанье двух реалий.
Начало светлый мир берет с одной,
С порога дома ритм его очерчен.
Вселенная тесна в тот день сквозной
Тому, кто опустил бессильно плечи.
С друзьями каждый парень как в раю,
Жизнь горькая усыплется цветами.
А если друг подложит вдруг свинью —
Покажутся все люди подлецами.
Стремительно несутся наши дни...
Порой нам двух реалий светят лики.
Тот, для кого навек друзья они, —
Великий человек,
Во всем великий!..

КАМЫШ

Он, не ведая горя,
Красовался и цвел.
Но однажды под корень
Люди срезали ствол.

Сердцевину убрали,
Чтоб камыш умертвить,
Подрезали, строгали,
Перед тем как сверлить.

И конец заостряли,
Подгоняли хитро,
На огне обжигали,
Продували нутро.

Было горько и больно,
И, униженный, он
Вдруг заплакал невольно,
Тяжкий выдавил стон.

О своих неудачах
Он, который уж год,
Не поймешь, то ли плачет,
То ли песню поет.

Слышу: дудочка тяжело
Стонет, песню запев...
Чем больней ей, бедняжке,
Тем красивей напев.

И я мыслю невольно
Об уделе певца.
О поэте, чьей болью
Услаждают сердца.

СОЛОВЕЙ

Меня не опьяняй, себя ты пожалей,
Не птице не понять мне горести твоей.

Не изливай мне скорбь, ведь у меня, ей-богу,
Без плача твоего достаточно скорбей.

Мне песнь людей внятна, твоя же непостижна,
Другому соловью твоя беда ясней.

Мы — люди, нам не пой своих печальных песен:
Печали соловья поймет лишь соловей.

БЕСКРАЙНОСТЬ

Мир ни одной не ограничен гранью.
Он непостижен моему уму.
Поскольку нет предела мирозданию,
Но есть предел сознанию моему.

Бескраен мир, и нет ему границы,
Как капля в море, затерявшись в нем,
Я от его бескрайности укрыться
Мечтаю в тесном домике своем.

МОНОЛОГ РАЗУМА

Хотя моих путей неведомы начала —
Спокойно сквозь века мне проходить дано.
И я не знаю, где конец мой, где начало,
Кто раб, кто господин — мне это все равно.

Меня не одолеть ни подлостью, ни ложью,
Спокойно сквозь сердца мой караван идет.
Кого я разбужу, кого я растревожу,
Навеки, навсегда счастливым будет тот.

Вначале пребывал я одиноким богом,
Потом пророком стал я, мудрый, как земля.
Я все ж превыше их в своем величье строю,
Для смертных — я пророк,
Для смертных — гений я.

Хоть сам я с малых лет дитя людского рода,
Но лес, шумящий лес из завязи рожден.
Пусть время вокруг меня парит,
Зовет свобода,
За все в ответе я, узнавший ход времен.

Качаются всю жизнь вершины предо мною,
А для меня они — лишь скопище камней.

Что море для меня с его голубизною?
Разлив валов всего, разгул его страстей.

Лучатся солнца в бесконечной шири,
То возрождая к жизни новой, то губя.
Не удивляюсь ничему я в мире,
Вмещаю бесконечность я в себя.

Да, для меня мир ничего не значит,
Но лишь одно в себе понять могу,
Но лишь одно порою озадачит,
Что я живу перед людьми в долгу.

Порой ничтожен он, порою — гений,—
Понять его я не имею сил.
В оковах скорби я живу все время:
Его — хоть лопни — я не покори.

.

ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ

Откуда ты знаешь —
Путь звездный, Путь Млечный,
Быть может, мне скажет
О тайне извечной.

Откуда ты знаешь,
Быть может, глаза мне
Без голоса песню
Поют, как сказанья.

Откуда ты знаешь,
Весь мир без границы
Лишь с сердца комочком,
Быть может, сравнится.

Откуда ты знаешь,
Быть может — кто знает,—
Вдруг кто-то и где-то
Меня вспоминает.

* * *

Простой машине маленькие дети
Безмерно удивляются подчас,
Хоть корабли, подобные комете,
К далеким звездам вновь уносят нас.

Не знаем в мире многому причину,
Детей рождем, создаем новь.
Как дети, что глазуют на машину,
Мы вспоминаем первую любовь...

* * *

То громче о любви он пел, то тише.
Пел весело, он в пенье был умел.
И радовались все, кто песню слышал,
За исключением той, о ком он пел.

Пел о любви певец, пел о печали,
Он упивался тем, что петь умел.
Все слушавшие слезы утирали,
За исключением той, о ком он пел.

Но вот он песню спел не столь умело,
Спел песню о любви, что сердце жгла.
Он людям пел о том, что наболело...
Тогда к певцу любимая пришла.

* * *

Хотел я начертать в былые дни
Портрет влюбленного, но хвастать нечем,
Хоть в неудаче нет моей вины.
Кто истинной влюбленностью отмечен,
Тот говорящему во сне сродни:
Ни сам, ни кто-то из его родни
Понять не может той невнятной речи.

ВЕСНА — ТВОЯ

Дочке моей Юлдуз

Весна — твоя,
Носись, с собой не сладив,
К тюльпанам косогорья быстрый бег.
Я радоваться буду,
Нежно глядя
На чистый, животворный, горный снег.

Весна — твоя,
Носись, с собой не сладив,
Надев венки на голову, носись.
Я радоваться буду,
Нежно глядя
На корни, что от холода спаслись...

* * *

Стучится кто-то в дом ночной порой.
Я к двери подхожу: «Стучащий, кто ты?»
«Нас много,— отвечают,— дверь открой.
Тревоги — наше имя и Заботы!»

И снова стуком растревожен я.
«Кто ты, мой ноздний гость, мой гость
незримый?»
«Открой нам двери, мы — твои друзья.
Терпение и Стойкость наше имя!»

Уснуть бы мне, да мне уж не до сна,
И тьма густа снаружи, за стеною.
А в доме гости спор между собою
Ведут всю ночь, и ночь моя длинна.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В САМОЛЕТЕ

Кружился я по небу, плыл рядом со звездой,
Глядел в глаза звезде я, ее читая мысли,
И говорил я нежно:
— Дай свидеться с тобою! —
Ответ она давала:
— Нет, ты не нужен выси!

Кружился я по небу, плыл рядом со звездой,
Глядел в глаза звезде я, слез горьких не скрывая.
И говорил я нежно:
— Спустишь, побудь со мною.
— Зачем? — мне отвечала,—
Зла суета земная...
♣

КАМНИ УКОРА

Смотри внимательно, пока жизнь тленная идет.

Летают камни вокруг тебя —

Ты потерял им счет.

Один из них — корысти злой и зависти — другой,

А третий камень — клеветы и хитрой лжи пустой.

Какой бы ни летел в тебя, но каждый больно бьет.

Их цель ясна,

И знаешь ты, чья злоба всех их шлет.

Они хотят тебя лишить терпенья и мечты

И иссушить твоей души цветок, чтоб сгинул ты.

И если поделиться тем, что я от них терпел,

Внимательно ты слушай их — ведь это не предел.

Но в мире камень есть другой — он тоже знаменит,

И он обиды зря тебе, поверь, не причинит.

Он не раскрошит никогда на раны злую соль,

В грудь не вонзится, как стрела,

И не растравит боль.

И на пути не станет он преградой никогда,

Не разобьет сосуд души, не распылит года.

Когда на крыльях долетит, печален, удручен,—

Неведенья беспечный дух в тебе разбудит он.

Когда же в волны дум твоих вольется он, впадет,

Проснется дремлющий твой дух для дела и забот —

Основа совести людской,
И гнев ее, и месть.
Укора камень дорогой, хранящий нашу честь,
Он — без ответа, тот привет, хранимый про запас.
Он, может, прерванный рассказ,
Непонятый рассказ...
Он, может, дружеский привет, что сказан не в пылу,
Или невысказанный тост на свадебном пиру.
Родится человек на свет убогим — хвор и наг,
Укора камни у него в обиженных руках,
И над могилою его
Надгробия гранит...
Воспоминания костер средь вечности горит.
В последний миг склонял ли вдруг он голову,
как встарь,
Безжалостным являлся он, грозящим, словно сталь.
Паденье — взлет,
Заря — восход — есть у людей пока,
Укоры будут и вражда у них наверняка.
Упреки жгут, укоры жгут нас насмерть, как ножи
От ожидающих врачей до шаховой души.
И слезы горькие стоят в глазах у горемык.
Укора камни — как к творцу ввысь вознесенный крик.
Из-за любимых сыновей, что где-то до сих пор
В глазах озябших матерей навек застыл укор.
И человечеству всегда средь тысячи эпох
Вы — спутники несчетных бед, печалей и тревог.
Когда становятся землей и храмы и дворцы,
История укор свой шлет в века,
во все концы.
Все помыслы и все мечты всегда из века в век
На небеса лишь возлагал с надеждой человек.
Но что давали небеса — все превращалось в боль,
Вот почему в людских словах есть вызов пред судьбой.
И есть укор.
«Я — человек, я — человеческий сын», —

Это Гафура-сироты строки печальной стынъ.
Печальный голос с рубежей несется до сих пор.
Укора камни вслед ему несут веков укор,
Сын человека, смерть несет тебе земля и век,
Однако зрителем порой бывает человек.
Стареют слезы на глазах у маленьких сирот.
Это укор тебе, земля, печали горький счет.
Коль мы эпохи из эпох являемся детьми
И справедливостью одной объединились мы,
Хоть ценность лучших из людей превыше гордых гор,
Но все-таки в иных сердцах навек застыл укор,
И только видели глаза, как быстро мчат года,
И были заперты уста у песни навсегда.
Сквозь желтизну былых страниц, где вписан каждый
век,

Давно могилу Кадыри¹ все ищет Атабек².
А на далеких берегах, где нет давно любви,
Альенде призрак восстает из праха весь в крови.
Да, политый людской слезой, проливший кровь и пот,
Предстал наш грандиозный век, исполненный забот,
Хотя уходит каждый миг, вздохнешь — и он погас,
Но впереди грядущий день ждет терпеливо нас.
Пусть и останется от нас наш милостивый труд,
Однако праведными нас навряд ли назовут.
За совесть, дремлющую в нас,
За славу, что, как ложь,
За кровь людей, что зря лилась, не ставилась
ни в грош,
За хворь истерзанной земли, за милый ее лик,
За гибель голубых миров, за смерти злой язык
В грядущем не падет укор на головы людей
И не просыпется ль на нас тяжелый груз камней?

¹ Кадыри Абдулла (1894—1940) — узбекский писатель.

² Атабек — герой романа «Минувшие дни» А. Кадыри.

ТОСКА

Кусочек мглы,
Тропа за косогором,
Бескрайность неба голубеет густо.
Забыв заботы все
И все раздоры,
Я радостным хочу к тебе вернуться.
Испил судьбы напиток терпкий вволю.
Познал страстей небесный свет и сети.
Ведь не затем, чтоб трудно свою долю
Испытывать, живешь на этом свете.
Кусочек мглы,
Тропа за косогором,
Бескрайность неба голубеет густо,
Забыв заботы все
И все раздоры,
О если б смог навек к тебе вернуться...

* * *

Туман по холмам расстелился, как жниво,
И в рощах Дурмена
Хрустальный мороз,
Устав, отдыхает плакучая ива,
Рассыпав рассеянно пряди волос.
Сквозь сон затрещат ветки дуба нежданно,
Дыханье тиши слышат тысячи верст.
Быть может, ковры полевого тумана
И есть
Тень далеких, таинственных звезд.

СМЕЮ ЛИ ВАМ

Смею ли вам сказать что-нибудь,
Смею ли даже прощенья просить?
Чтобы на вашу красу взглянуть,
Сколько лишений пришлось пережить.
Вы — выше мира.
Дары для вас
Те, что равны обоим мирам.
Видеть вас — свет моих глаз,
И поклоняться лишь только вам.

* * *

Твердят на сотнях разных языков:
«Эй, сыновья, не будьте так беспечны,
Жалейте, берегите стариков,
Мы старики, а старики не вечны».

Они мудры и в правоте своей
Достойны нашей доброты.

И все же
Скажу я: «Берегите сыновей,
Поскольку сыновья не вечны тоже!»

* * *

В просторной чайхане весь день
О чем-то старики судачат,
Кружком неплотным севши в тень,
Бросают кости, ждут удачи,

Они свои прожили дни,
И скоро их родня оплачет,
Но все ж ведут игру они
И, веря, ждут еще удачи.

* * *

С соседями часов он не сверяет,
Курантам он и то не доверяет.
Ждет радиосигналов позывных
И, слыша их, чуть стрелки поправляет
Давно проверенных часов своих.

Чтоб точно шли его часы, он хочет,
Стремлюсь постичь, но непонятно мне:
Зачем он временем так озабочен,
Когда — я знаю — он с утра до ночи
Сидит, зевая, в нашей чайхане.

* * *

Мой верный друг, давай наполним чаши,
Не расплескав их, поднесем к губам
И выпьем за здоровье близких наших,
За солнце, что так щедро светит нам.

Верь, ничего не надо мне иного,
Заглядывало б солнце к нам в окно,
Родня была бы вся жива-здоровая,
Текли б стихи ручьем и ручейком вино.

РАЗДУМЬЯ МОИ

Шесть месяцев молчал — к стихам охоты нету.
Шесть месяцев успех кого-то ободрял,
Шесть месяцев друзья мои, скрываясь где-то,
Гадают, почему талант я потерял.

Но то, что я ищу, величественней слова.
Но то, что я ищу, священнее, чем хлеб.
Огромнен этот мир и полон красок снова.
Но мне не видно их, как будто я ослеп.

Капризная душа вина порою просит,
И на мгновенье мне покой приносит хмель.
И вольная мечта тогда меня уносит
В далекие года за тридевять земель!

У глаз моих года теснятся, как ресницы,
И мысли-жемчуга нанизаны на них.
И как огонь во мгле, чуть-чуть начнут светиться
Те дни, что навсегда прекрасней остальных.

Я несся, как джейран, в степи под ясным небом,
И волосы легко мне ветер развевал.

Я не умел читать, и в городе я не был,
То солнце, то луну я бабушкою звал.

Вздымая пыль, в степи носились мы, как ветер,
Но что такое пыль — мы не желали знать.
Мы вспоминали мать — одну ее на свете,
Не думая о том, что одинока мать...

От горестей и бед хранила нас природа,
Дарило солнце нам большого сердца пыл,
И жили мы внутри большого небосвода,
И значит, целый мир жилищем нашим был!

Но детства ручейки свое отлепетали,
И в классе на стене, дыханье затая,
Мы родину свою впервые увидели
И прошептали все: «О родина моя!»

Да, в этом слове есть моя простая доля.
И родине вся жизнь моя посвящена.
Но, может быть, сильнее — почти до слез,
до боли,
Я родину свою любил в те времена!

Она мне и тогда была дороже жизни!
Тревожил сердце гул тех грозových годов,
Когда герои шли на смерть, служа Отчизне,—
И, как Рахимов, я на подвиг был готов.

Слепяще чистым мир вставал перед глазами,
Как будто человек из света сотворен,
А что есть человек?
Я вспоминал о маме,
Когда искал ответ,— и мне известен он.

Я много книг прочел, чтоб справиться с бедою,
Печали от людей навеки отвести.
Учитель первый наш с улыбкой молодою
Предсказывал, что ждут нас гладкие пути.

Как перелетных птиц, иные манят земли,
Мне повелела даль перешагнуть порог.
Раскрой, о Абдулла, свои глаза и внимли:
Учитель пошутил, что нет крутых дорог...

И я оставил мать, пошел бродить по свету,
Куда меня вела рука судьбы шальной.
Я часто над землей летел, подобно ветру.
И часто черный смерч кружился надо мной.

Сейчас ищу стихи на улицах Ташкента.
На шумных вечерах неожиданно сдавит грудь:
Опять болит душа —
Ведь до сего момента
Ни счастья, ни покоя я ей не смог вернуть.

Те чувства, что в душе тревожно с детства жили,
Теперь хотят уйти.
Былое вороша,
Покоя не дают, как будто бы решили,
Что все мои дела не стоят ни гроша!

Но родина моя со мною постоянно.
С землей моей родной я безраздельно слит.
И чувства юных лет меня бросать не станут —
Их родина опять со мною примирит!

Вручила мне она огромное наследство.
Я перед ней в долгу.
Я расплачусь сполна.

Но где сейчас оно — оставленное детство?
Где первая любовь, где первая весна?

Да на такой вопрос ответа нет от века...
Мне легче оттого, что я люблю людей,
Что я слагал стихи во славу человека
И что предела нет святой любви моей.

Но я сейчас гляжу спокойнее и строже
И пристальней на мир, чем в юные года,
И мой влюбленный взгляд
В толпе спешащей
Все же
Со взглядом подлеца столкнется иногда.

Есть зависть, есть вражда.
Неправедные судьи
Еще ведут людей к позорному столбу.
Коль есть на свете бог, ужель младенцев
судьбы
Записывает он на тающем снегу?!

Шесть месяцев душа стремилась прочь из тела,
Шесть месяцев не мог придумать ни строки,
Шесть месяцев в меня швыряли то и дело
Неверия и лжи тяжелые комки.

Опять бреду один по улице вечерней.
Но что это — стихи с души смывают грусть,
И улыбнулся мне, как встарь, учитель первый,
И снова полон я счастливых юных чувств!

Осенние сады завалены листвою,
И возвращаюсь я к привычному труду.

Хорошие слова ловлю душой живою
И с миром разговор о счастье жить веду.

Век сам возьмет назад, что на душу положит:
Отвыкли мы покой просить у матерей.
Но не был никогда ребенком тот,
Кто может
Беспечно позабыть о матери своей...

ОБ УДАЧЕ

Я вновь в полночной тишине
Стихи читаю, это значит —
Я жив пока еще и мне
Еще сопутствует удача.

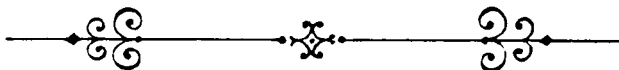
Печаль подстерегала нас,
Сложиться жизнь могла б иначе,
Но слышишь ты меня сейчас,—
Мы живы, значит, нам удача
Сопутствует и в этот час.

ПОЭМА

АВИЦЕННА И СМЕРТЬ

*Посвящается тысячелетию
Абу-Али ибн-Сины*

1

В далекие седые времена,
тысячелетье целое назад
под Бухарой, в селенье Афшана,
рос мальчик, красотой чаруя взгляд.

Мать и отец в степи стада пасли,
суть жизни находя в делах своих,
и объяснить навряд ли бы смогли,
за что так жизнь вознаградила их.

Сынок им все невзгоды оплатил,
он, их любовью явленный на свет,
хоть из простой семьи происходил,
хакимом* звался с самых ранних лет.

---

* Х а к и м — так на Востоке почтительно называли
большого ученого.

Когда природа, люди говорят,
к кому-нибудь невиданно щедра,
ее не оттолкнет простой наряд
и скромность небогатого двора.

Воздаст она талантом и умом
возлюбленному сыну своему,—
избрав из всех его обычный дом,
жар-птицей счастья явится ему.

Богат душой хаким был с юных лет,
жил вольно, как сама природа-мать,
и вот — большой табиб* он и поэт:
лечить умеет и стихи слагать.

Любой, кто был хакимом исцелен,
еще любил его за добрый нрав.
Лекарство в каждой травке чуял он,
во всех лекарствах чуял запах трав.

Трудами были дни его полны,
отказывать не мог он никому.
И стал он украшеньем Афшаны,
со всей округи люди шли к нему.

А жизнь его слагали явь и сон,
привычность бытия и дум полет,
и выбрал сердце Человека он
предметом размышлений и забот.

Но все ж судьба его спала пока.
В грядущем — все великие дела.
И пыльная дорога кишлака
мучительно куда-то вдаль звала.

---

* Т а б и б — лекарь.

Однажды весть пришла издалека,
 что в Бухаре больна владыки дочь,
 прекрасная принцесса Малика,
 и знахари не в силах ей помочь.

Угрюмой стала, дерзкой, грубой, злой,
 и никого не слушает она,
 всех без разбору гонит с глаз долой,
 листает книжки, сидя у окна.

А каково на дочь смотреть отцу?
 Отец-эмир в тревоге и в тоске.
 И лекаря отменного гонцу
 приказано доставить к Малике.

И вот хакима во дворец ведут,
 к той, что горит в неведомом огне...
 И минареты стройные плывут
 куда-то мимо, тая в вышине.

У врат дворца джигит табиба ждет.
 «Я — сын визиря,— говорит.— Мирзо.
 Любовь к принцессе мое сердце жжет...
 Больной она сказалась мне назло.

Я предложил ей руку... Я, Мирзо!
 Дай зелья ей, заморози, табиб,
 чем хочешь, но девчонку урезонь,
 чтоб сочетаться браком мы смогли б!..»

Был этой речью поражен хаким.
 Не ведал, для чего он зван сюда.

Хоть повидал немало, но с таким
он не встречался в жизни никогда.

И он впервые пожалел себя,
и мир на миг каким-то жалким стал.
Мирзо как-будто взглядом просверля,
Али бесстрастно юноше сказал:

«Больную осмотреть мне надлежит...»
По мраморным ступеням поднялись.
Там открывался величавый вид
громадных сводов, устремленных ввысь.

Толкнули изукрашенную дверь,
и что-то замерцало в глубине...
И сухо заключил хаким: «Теперь
оставьте нас с больной наедине...»

3

«Что человек? Из глины сотворен.
Чтоб глиною такой же стать потом...» —
Так думал и хаким...

Впервые он,
войдя в покои, усомнился в том.

Сияли камни там в огне свечей
на полках, вставших в ряд до потолка,
и свитком удивительных лучей
сквозь занавес сияла Малика.

Цветком необычайным, дорогим
воздушный образ девушки возник.
И словно чудо увидал хаким
и перед ним оцепенел на миг.

Взор Малика от книги отвела.
«Ты кто? Ты тоже знахарь? Отвечай!» —
так поглядела, — будто бы прожгла
хакима безысходная печаль.

И понял он, как девушка нежна
душой, с которой грубый мир жесток,
как одинока, замкнута она —
незащищенный маленький цветок.

Сказал хахим: «Прошу простить меня,
я — лекарь, но лечу не так, как все...
Вам нужен муж, чтобы в расцвете дня
не дать увянуть молодой красе!»

Так он сказал.

И смех раздался вдруг,
и вспыхнул свет во взоре озорном.
«Нет, Малика, я говорю, как друг.
Вам замуж надо выйти. Но притом...

Лишь по любви!..»

Умолк внезапно смех,
застыл живой ручей из серебра...
«Табиб, ты вправду не похож на всех.
Таких не знает наша Бухара...»

В глазах принцессы — прежняя тоска.
Но что-то в них — как лучик на заре...
И повелела тихо Малика:
«Останешься табибом при дворе!»

Печальный взгляд, души безмолвный стон
и боли не доверишь никому...

Так шли в трудах познания дни его.
А если отдохнуть хаким хотел,
в родную Афшану, где дом его,
где мать, на крыльях радости летел!

Его любила слава, но служил
хаким не ей...

Отыскивая нить,
что к истине вести должна, решил
он собственную книгу сочинить.

Из океана знания собрать
жемчужины, ценней которых нет,
и уложить подряд в свою тетрадь,
и людям протянуть сквозь бездну лет.

Молитву предков сотворил хаким,
но лишь коснулся он карандаша,
вошла служанка, объявив, что с ним
поговорить желает госпожа.

5

Взволнованною поступью вплыла,
остановившись возле стеллажей,
та, что с хакимом так добра была.
И голову склонил он перед ней.

Какой-то томик наугад взяла,
рассеянно перелистав его,
вздыхнула и чуть слышно изрекла
заветное для сердца своего:

«Табиб, ты о любви, забыв Коран,
мне говорил...

Но существует он!..»

Как якорь в воду бросивший корабль,
застыл хаким, весь в думу погружен.

То был укол невидимой иглы,
упрек слепой судьбе — из женских уст,
боль Бухары, луч света в море мглы,
неразделенность обреченных чувств.

И смело продолжала Малика:
«Чтить мусульманке не дано любовь...
Но что же делать, если велика,
как океан, она пьянит нам кровь?»

Росла принцесса во дворце.

Она
виновна ли, что, совершенством став,
естественною жаждою больна
любви,
веков нарушила устав?

Что ей хаким ответит?

Молод он.
Не знает он, как ей помочь суметь...
«Две вещи,— говорит, слегка смущен,—
мне непонятны: боль любви и смерть».

За стеллажами что-то в этот миг
обрушилось, и воздух сотрясло
внезапным громом...

Из-под груды книг
в углу возник растерянный Мирзо.

Смущен Мирзо.

Лицо его горит.

Зачем он здесь?

Что скажет им двоим?

«Я книги... здесь... читал», — он говорит,
хотя не верит сам словам своим.

Принцесса на Мирзо глядит в упор.
В усмешке и в глазах таится взрыв.
«Стремитесь к свету вы?

С каких же пор?!» —
и прочь уходит, резко дверь закрыв.

6

Бессилен перед чувствами любой.
Но что тоской Мирзо сжимало грудь?
Владела им не чистая любовь,
к престолу он стремился, — вот в чем суть.

Всю ночь не спал он...

«Ах, как далека, —
хоть кажется: лишь руку протяни! —
прекрасная принцесса Малика!
И с кем она свои проводит дни?

Невесть откуда взявшийся бахвал,
таиб теперь ее сердечный друг.
А может, и кумиром тайным стал?
А может быть, и трон захватит вдруг?

Нет, надо что-то делать...»

Поутру,
спеша, Мирзо к хакиму держит путь.
«Я даже и следы его сотру!
Я — сын визиря, а не кто-нибудь!..

Но все ж в почете этот господин,
он — у порога трона.

Шутки с ним,
конечно, плохи.

Способ лишь один:
не устоит пред золотом хаким!»

И вот, как будто другу — не врагу,
с улыбкой говорит Мирзо врачу:
«Довольны мы тобой...

И мы в долгу.
Я отблагодарить тебя хочу.

Твой — этот кошелек.

Но только так:
взяв золото, ты в благодарность мне
немедленно ступай к себе в кишлак, —
здесь пробыл ты достаточно вполне...»

Уйти от книг?!

Монеты — пустяки!
Богатство — это мудрость сотен лет...
«Я во дворце — по воле Малики.
Лишь ей решать, уйти мне или нет».

Мирзо сказал с улыбкою, что рад
намереньям ученого благим.
Он, извинившись, отступил назад,
и углубился в чтение хаким.

Но ровно в полночь в мир враждебный книг,
завистливым умишком недалек,
Мирзо, как подлый вор, тайком проник
и кинул в шкаф горящий уголек.

Никто не знал, как тот огонь возник,
 что над дворцом безжалостно взметен,
 но тянет свой раздвоенный язык
 уже к соседним минаретам он.

В огонь каким из кельи в полусне
 кидается в недобрый этот час.
 Но поздно!

Книги сгнули в огне,
 лишь рукопись свою он чудом спас.

Глядит на то, что пеплом стало вмиг,
 хотя в себя вмещало целый мир!
 А на рассвете в храм сгоревших книг
 приходит страж: хакима ждет эмир.

Табибу ясно: на него позор
 и ужас подозрения падет.
 Эмир вперил в хакима гневный взор
 и речь такую в ярости ведет:

«Мы думали, что ты — наук знаток,
 а ты — безбожник, негодяй и плут!
 Ответь же нам, зачем ты так жесток,
 зачем поджег ты мудрости приют?»

Да, на хакима пала та вина,
 под тяжестью ее он горько сник.
 «Свидетель бог, что мне была важна
 лишь слава Бухары — храм мудрых книг!

Грядущее написано на лбу
 у каждого, и, что меня ни ждет,
 безропотно приму свою судьбу,
 но кара все ж виновников найдет!..»

Не прояснится смутное само.
Беда к беде — и множится печаль...
Губитель книг — вот для кого клеймо,
кто жизнь свою лишь им и посвящал!

Не книги, нет, — он сам в огне горит!
Ведь нарекли не зря его: хаким.
Он не привык к наградам — знаменит
лишь непорочным именем своим.

Стоит хаким, потупив скорбный взор,
молчит, не в силах ничего понять.
И прозвучал над ухом приговор:
«Табиба прочь из Бухары прогнать!»

8

Еще скандал вокруг не отзвучал
и не умолкли сплетни-шепотки,
Мирзо, — о, как об этом он мечтал! —
был приглашен в покои Малики.

Она была спокойна, но огнем
горел какой-то отсвет на лице,
как будто отпечаталось на нем
все, что случилось ночью во дворце.

«Ну что ж, Мирзо, ты своего достиг...
Но, чтоб не пала на тебя и тень,
зачем, скажи, в сокровищницу книг
ты заходил в злосчастный этот день?»

С Мирзо принцесса говорит не зло,
он с Маликой такую не знаком...
«Мне душу подозренье обожгло,
и я пробрался в этот храм тайком...»

О Малика, вы — солнце, роза роз,
он — лишь свеча, что освещает храм,
он нищий лекарь, беден, гол и бос...
Чем так пришелся он по сердцу вам?!»

«Мирзо, — сказала девушка, всплыв, —
всевышний, дав мне злато, и парчу,
и власть, был добр ко мне и справедлив.
Но я еще и мудрости хочу!

Я — человек, и мне ли жить впотьмах,
ничем не потревожить спящий дух?
Он — царь познания, солнце — он, ты — прах,
он слушает и слышит, ты же — глух.

Все в Человеке!

Не отец, не мать —
он это мне открыл, досель слепой,
не пробуй мою веру растоптаты!
Она — из книг, что сожжены тобой...»

Мирзо сражен.

Смятенья не тая,
шепнул, залившись краскою густой:
«О наважденье!

Разве думал я,
что может быть и женщина святой!»

А девушка сказала: «Вот и все.
Мне — ждать своей судьбы, своей поры,
тебе же...

Коль мужчина ты, Мирзо,
ты тоже уезжай из Бухары!»

Покинуть отчий край решил хаким.
Он на Джайхун глядит в последний раз.
Лишь верою в судьбу свою храним,
он в дальний путь отправился сейчас.

А если б веры не было такой,
иссох бы от печали человек...
В последний раз на мать глядят с тоской
глаза любви из-под усталых век.

Куда судьба табиба приведет?
Куда идет случайный караван?
Есть слава, но где счастье он найдет.
Но вот конец дороги: Хамадан*.

И в тот же час — нет, в тот же самый миг! —
разнес повсюду караван-сарай:
табиб, что мастерством своим велик,
издалека приехал в этот край.

И тот, и этот — сердцу дорогой:
взошел, свет сердца чистого дая,
один — поэт, чей служит людям стих,
и врачеватель ран людских — другой.

Господь джигиту дар табиба дал,
талантом редким наделил его.
И он лечить больных, увечных стал
и здесь, не отвергая никого.

Он больше не был замкнут и угрюм,
изгнанником не чувствовал себя.
Труд врачевал врача от тяжких дум!
Как видно, в том была его судьба.

---

* Х а м а д а н — город в Иране.

С родных ветвей сорвавшийся листок,
он ощутил в далекой стороне,
что этот грустный край — его Восток,
все тот же самый, что и в Афшане.

А люди шли и шли — за рядом ряд,
и повторялись дни — за кругом круг...
И всех встречал его бодрящий взгляд
и доброта животворящих рук.

Записывал в тетрадку все хаким,
не брал он платы за свои труды.
И вот однажды паланкин за ним
прислал халиф...

Не будет ли беды?..

10

Был в этот день визирем наречен
нездешний лекарь.

И, добро творя,
звездой на небе халифата он
взошел, свет сердца чистого даря.

Все получил он для своих трудов,
и лишь одно потребовали, чтоб
забыл он Бухару, свой отчий кров,
во славу здешних царственных особ.

Не мог хаким свой дом родной забыть.
Богатством не привык он дорожить.
К тому же цель он знал: добыть
секрет — как людям бесконечно жить.

Он сколько разных изучал наук,
познавья путь прошедший от начал,

что срок пришел — и на Востоке вдруг
одним из главных мудрецов он стал.

И понял смысл связующих причин,
он прозорлив умом, душою чист.
Он говорил, что организм един,—
вот так едины дерево и лист.

Познав роль нервов, он сказал: «Они —
первопричина болей всех и мук.
Увы, болезням и любви сродни.
У всех она — свой собственный недуг...»

Одну мечту лелеял он, боясь,
что эти мысли — грех, да и какой! —
увидеть тело изнутри хоть раз,
вскрыть, ощутить, дотронуться рукой.

Он это представлял — и спать не мог,
и, в страхе потеряв остаток сил,
молился, чтоб великодушный бог
свое творенье грешное простил.

На мироздание с гербом луны
глядел, его величием дыша,
и понимал: как люди ни сильны,
есть непреодолимость рубежа.

Он говорил: «Пред высшим судьей
и я, и смерть — смиренны, нехрабры...»
...В тот день слуга, войдя в его покой,
сказал: «К Вам гость...»

Принять?..

Из Бухары...»

Услышал сердца собственного стук
хаким, и устремился он к дверям.
И словно бы замкнулся странный круг:
склоненного Мирзо увидел там.

Коленями он в пол как будто врос,
всем видом о прощении взывал...
Перед хакимом не скрывая слез,
он край его одежды целовал.

И может быть, все дело было в том,
что часто сердце забывает зло:
хаким вдруг вспомнил милый отчий дом
и заключил в объятия Мирзо.

О горестях своих поведал гость,
как из дворца принцессой изгнан вон,
как нищим стал, как мыкаться пришлось,
как с конюхом своим скитался он.

И рассудил, вконец измаясь, так:
нет больше сил иного в жизни ждать!
Его спасет прославленный земляк,
лишь он приют скитальцу может дать!

...Лицо Хакима озарилось тут.
«Сам бог с тобою, что ни говори!
Так соверши всего один лишь труд —
и сколько хочешь за него бери!»

На кладбище сегодня в ночь пойдешь
и на ночь принесешь сюда мне труп...»
От ужаса Мирзо забила дрожь,
хоть на посулы лекарь был не скуп.

«Хочу узнать секрет я...

Цель моя —
смерть победить...

Мне помощь окажи!
А после у себя оставлю я
тебя,— лишь в тайне это все держи!»

В ту ночь добился своего хаким,
луч новых знаний засиял во мгле:
был мертвый человек изучен им
и до рассвета возвращен земле.

А день был трудным...

Хоть и повезло
табибу, мрачен он...

Как только жив!
Не знал хаким, что конюха Мирзо
принес ему, коварно задушив.

12

Так и остался в тех краях Мирзо.
Земляк хакима — тем и славен он.
Какое там ни знал он ремесло,
но в круг мудрейших был он приглашен.

Став относиться как к ученику,
к науке приобщал его хаким.
Но понимал, ревнуя к земляку,
Мирзо, что не дано сравняться с ним.

«Безбожник из какой-то Афшаны
весь этот глупый мир потряс собой!»
Мирзо страдал, плохие видел сны
и спорил с неудавшейся судьбой.

Но сам он, как почти что каждый встарь,
был слеп душой и разуменьем мал,
и — не творенье божье — божья тварь! —
что есть сознание, мысль — не понимал.

Однажды пригласил его хаким,
и, словно с другом, чей так важен суд,
поговорить решив серьезно с ним,
сказал, что завершил свой главный труд.

«Я понял, что такое человек,
и хоть мне это нелегко посметь,
я обращаю его короткий век
в жизнь без предела —
и да сгинет смерть!»

Стоят на полках сорок склянок в ряд.
Сказал хаким: «Лишь человек умрет,
немедля нужно изо всех подряд
на губы капать, соблюдать черед.

С последней каплей должен будет встать
покойник...

Не проверил я пока
лекарство.

Надо грех на душу взять,
нарушить то, на чем стоят века...»

Как будто кто небесный свет задул,
померкло все перед Мирзо в тот миг.
Подумал: «Лекарь он или колдун,
с ним только в ад дорога напрямик!»

Сказал хаким: «Тебе открыл я суть
того, что может изменить наш мир...
И, даст аллах, на мне когда-нибудь,
Мирзо, ты испытаешь эликсир...»

Весь Хамадан в себя прийти не мог
 в тот день от вести, горестной до слез:
 неведомый какой-то голубок
 в селенье Багридаг* беду принес.

И где б ни приземлился голубь тот,
 покинувший безвестные края,—
 там каждый богу душу отдает,
 так погибает за семьей семья!

И прибыл в то селение хаким,
 и повернул в волнении назад.
 Погибли все...

Но как помочь другим,
 чтоб их не отравил смертельный яд?

Лежали всюду трупы...

Суций ад!

От мора, коль не устранить его,
 погибнет Хамадан, весь халифат,
 погибнут люди — все до одного!

Велел хаким: «Живые нагишом,
 оставив все свои пожитки тут,
 немедленно пускай покинут дом
 и вдалеке в землянках поживут.

И надо сжечь несчастный Багридаг,
 зарывши пепел в землю глубоко!»
 Ушедшие — ушли. Да, это так,
 но жить — живым, пусть это нелегко...

---

* Багридаг — букв.: «Скорбное сердце».

Хакиму ясно, как пришла болезнь:
разносчиков, что глазу не видны,
принес на лапках голубок...

Он здесь
нашел приют, не ведая вины.

Где подхватил заразу эту он?
Иль все не так?..

А если так, каков
существ мельчайших жизненный закон?
Иль нет для них препон, преград, оков?

Усталый возвращался в Хамадан
хаким.

Свою невольную вину
он чувствовал...

То был он в мыслях там,
в селе, то вспоминал он Афшану.

И вдруг как будто в тело мудреца
сто раскаленных игл вонзились враз.
«Мирзо!..»

Не доскакавши до дворца,
упал с коня, и свет в глазах погас.

14

Поднялся шум тревожный во дворце.
Ученики в покой его внесли.
И бледности на дорогом лице
без слез, спокойно видеть не могли.

Он приказал, не медля, всем уйти,
сказал, что будет сам лечить себя,
а в ночь, когда оцепенел почти,
позвал Мирзо...

«Ну вот,— сказал,— судьба!»

Навстречу смерти начат мною путь.
Я вспомнил Бухару, родной предел...
И я хочу, чтобы не кто-нибудь,
а ты, Мирзо, со мною посидел.

Я расскажу тебе, чего хочу:
коль возвратит аллах здоровье мне,
дервишем я отправлюсь в Урта-чуль;
я поброжу по всей моей стране...

И буду снова я стихи слагать,
и весь остаток дня тебе отдам,
любимая, единственная мать,
взамен прошедшим без меня годам...

Мирзо, как я подробно объяснял,
начни ж из склянок капать!..»

Сник хаким.

Мирзо с заветной полки склянки снял
и наклонился бережно над ним.

Животворящей влагою кропя,
за склянкой склянку он опустошал.
И испугался самого себя,
когда хаким внезапно задышал!

Мирзо поверить сам себе не мог,
как допустили это небеса?!
Одна осталась склянка...

Видит бог,—
вот чудеса! — хаким открыл глаза.

И отшатнулся от хакима тот,
кто взялся в смертный час ему помочь.
Какой-то вихрь на части память рвет...
И завершить свой труд ему невмочь.

Как бы незримый перейдя порог,
шагнул к хакиму...

Злоба — в щелках глаз.

«Узнай меня! — он крикнул. — Я — твой рок,
твоя погибель, твой последний час.

Ты пел любовь, и по твоей вине
я Малики лишился, нищим стал.
О осквернитель трупов, руки мне
своей проклятой славой ты связал!

Откроюсь: я устроил тот поджог —
и родину покинул ты, скорбя.
Всю жизнь тебя я позабыть не мог,
всю жизнь, как тень, преследовал тебя.

Мне не дано, как ты, дерзать и сметь.
Ты — гений, я — никто в твоей судьбе.
И все же я, никто, и есть — та смерть,
которую не одолеть тебе!»

И склянку с эликсиром — об пол он!..
И видит, да сказать не может он,
и тихо из покоя вышел он,
точнее, выполз, как огромный червь...

Зашли к хакиму, чуть настал рассвет.
Лежит, безмолвный, в ложе хворью вжат.
И словно никакой и тайны нет,
лишь слезы у него в глазах дрожат.

Дни проходили, месяцы плелись,
в небытие, теряясь, шли года...
Лежал со взором, устремленным ввысь,
хаким, людьми любимый, как всегда.

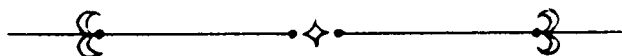
Ученики не бросили его...
И, как учитель, добрые душой,
дни проходили, месяцы плелись,
в небытие, теряясь, шли года...

И шли века.

Сменялись, как во сне,
и царства, и цари, изжив себя.
Лежал хаким и слушал в тишине,
как дышат мирозданье и судьба.

...Так и лежит он, навсегда пленен
той тишиной, что вечности под стать,
и видит, да сказать не может он,
и слышит, только вот не может встать...

СОДЕРЖАНИЕ

С. Баруздин. Его высокая звезда 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Подай мне руку, друг далекий...» <i>Перевод О. Дмитриева . . . . .</i>	11
<i>Моя лира. Перевод А. Преловского . . . . .</i>	12
<i>Узбекистан. Перевод С. Иванова . . . . .</i>	14
«Дай, мой друг, звонкий най...» <i>Перевод О. Дмитриева . . . . .</i>	20
<i>Трава. Перевод О. Дмитриева . . . . .</i>	21
<i>Кровавая рубаша. Перевод В. Цыбина . . . . .</i>	22
<i>Орел. Перевод Н. Гребнева . . . . .</i>	23
<i>Ленин. Перевод А. Преловского . . . . .</i>	24
<i>Песня. Перевод Н. Гребнева . . . . .</i>	26
«Обрамленны, висят портреты в ряд...» <i>Перевод Н. Гребнева . . . . .</i>	27
«Что наша плоть? Корабль, подвластный морю...» <i>Перевод А. Файнберга . . . . .</i>	28
«Как легко мы судим, как беспечно...» <i>Перевод Н. Гребнева . . . . .</i>	29
«Вздыхая тяжело, пролетает ветер...» <i>Перевод И. Шкляревского . . . . .</i>	30

«Захотелось мне, мама...» Перевод И. Шкляревского	31
«Теперь, когда прошло так много лет...» Перевод Н. Гребнева	33
Родник. Перевод Н. Гребнева	34
«Зимняя заря — вся молодая...» Перевод В. Цыбина	35
К морю. Перевод В. Цыбина	36
«Давно я не бывал в родном селенье...» Перевод Н. Гребнева	39
«Гром гремел, и буря бушевала...» Перевод Н. Гребнева	40
* «Оставь на мгновение солнце, поэт...» Перевод Н. Стрижкова	41
«Когда краев изъездив много...» Перевод Н. Гребнева	42
Планета-Мать. Перевод Н. Гребнева	43
Просьба. Перевод А. Преловского	46
Письмо. Перевод А. Преловского	47
«Не вызывай в душе печаль ушедших дней...» Перевод А. Преловского	49
Ночь. Перевод А. Наумова	50
* О главном. Перевод Н. Стрижкова	52
«Я ждал ее, и вот весна запела...» Перевод Н. Гребнева	53
Саратан. Перевод Н. Гребнева	54
Рассказ поколений. Перевод В. Цыбина	56
У памятника Пушкину. Перевод А. Файнберга	57
Осенний пейзаж. Перевод Н. Гребнева	59
Родной мой ветер. Перевод О. Дмитриева	60
Лес. Перевод О. Дмитриева	62
Память. Перевод Н. Гребнева	63
«В огне грозы иль под горящим кровом...» Перевод Н. Гребнева	65
Прощай. Перевод А. Преловского	66
Рай. Шутка. Перевод Н. Гребнева	67

«Ты плакала, ты мой ловила взгляд...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	69
Осень в Узбекистане. <i>Перевод И. Шкляревского</i>	70
* Слово, сказанное друзьям. <i>Перевод А. Широ- ной</i>	72
Лань. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	73
* Очищение. <i>Перевод И. Бяльского</i>	74
«В весенний день — осеннее ненастье...» <i>Перевод</i> <i>О. Дмитриева</i>	76
Первая любовь. <i>Перевод А. Преловского</i>	77
У могилы Пахлавана-Махмуда. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	79
«Шел дождик за окном. Молчанье. Тишь...» <i>Перевод</i> <i>О. Дмитриева</i>	80
Любовь. <i>Перевод А. Преловского</i>	81
Ты по весне не заскучала? <i>Перевод О. Дмитриева</i>	84
Раскрой объятия! <i>Перевод О. Дмитриева</i>	86
Весна. <i>Перевод В. Цыбина</i>	87
Смерть любви. <i>Перевод А. Преловского</i>	93
Ущелье Клятвы. <i>Перевод А. Преловского</i>	94
Душа. <i>Перевод А. Преловского</i>	98
«В раннем детстве всего я боялся...» <i>Перевод</i> <i>А. Преловского</i>	99
«Ребенку дарим имя от рожденья...» <i>Перевод</i> <i>А. Преловского</i>	100
«Стал зрелым юношей подросток хилый...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	102
Одиночество. <i>Перевод А. Преловского</i>	103
Звездочка. <i>Перевод А. Преловского</i>	104
Сон. <i>Перевод А. Преловского</i>	105
Ошибки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	107
Облако. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	108
Люди. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	109
Каток — скользкий ледок. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	110
Желание. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	112
«— Проснись, проснись...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	114
Осенние думы. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	115

Мать. Перевод Н. Гребнева	117
Мир земной. Перевод А. Преловского	118
Твой голос. Перевод В. Цыбина	120
«Ветра осенние завывли в тишине...» Перевод А. Преловского	121
Стихи матери. Перевод А. Преловского	
«Что-то я нынче пока не знаю...»	122
«В тот день забот и мелких огорчений...»	124
«Мне помнится, был я в тоске и обиде...»	126
Четверостишия	
«Небо рассыпает к горизонту пепел...» Перевод В. Цыбина	128
«По тропке средь песков, сил больше не имея...» Перевод В. Цыбина	128
«Сиротствует средь галок соловей...» Перевод Н. Гребнева	128
«Дни, что пройдут, ничья потом рука...» Пере- вод Н. Гребнева	129
«Готовит люльку добрая рука...» Перевод Н. Гребнева	129
«Возможно, в этом вовсе нету чуда...» Перевод Н. Гребнева	129
«Дни бегут за мигом миг...» Перевод А. Чайков- ской	129
Поэт. Перевод Н. Гребнева	130
Говорил мудрец. Перевод В. Цыбина	131
Крылья. Перевод Н. Гребнева	132
Песнь о Карши. Перевод А. Преловского	133
«В апреле осень. Грусть такая...» Перевод А. Файн- берга	139
«Благословенно прожитое мною...» Перевод Н. Гребнева	140
Заповедник. Перевод В. Цыбина	141
Золотая рыбка. Перевод А. Наумова	143
* Взгляд на истину. Перевод И. Бяльского	144
«Ты рядом...» Перевод В. Цыбина	145

* Третий. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	146
«Позовет меня дорога...» <i>Перевод А. Преловского</i>	148
Озеро Севан. <i>Перевод А. Преловского</i>	150
Память ушедших. <i>Перевод В. Цыбина</i>	151
Мумин Мирзо. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	153
Родному языку. <i>Перевод А. Файнберга</i>	155
«Толкуют о стихах...» <i>Перевод А. Преловского</i>	156
Слушая «Муноджат». <i>Перевод А. Наумова</i>	157
Человек нашего века. <i>Перевод А. Преловского</i>	159
Наши! <i>Перевод О. Дмитриева</i>	161
Так обычно живет человек. <i>Перевод В. Цыбина</i>	162
Надежда. <i>Перевод В. Цыбина</i>	163
Неизвестный. <i>Перевод В. Цыбина</i>	165
Канатоходец. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	167
«Кого-то мы обидели беспечно...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	168
«Жизнь коротка, а молодость короче...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	169
Отелло. <i>Перевод А. Наумова</i>	170
Почему так черны глаза армянок? <i>Перевод Н. Гребнева</i>	173
Мой кеклик. <i>Перевод В. Цыбина</i>	174
Дед и внук. <i>Перевод В. Цыбина</i>	175
Две реалии. <i>Перевод В. Цыбина</i>	176
Камыш. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	177
Соловей. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	179
Бескрайность. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	180
Монолог разума. <i>Перевод В. Цыбина</i>	181
Откуда ты знаешь. <i>Перевод В. Цыбина</i>	183
«Простой машине маленькие дети...» <i>Перевод В. Цыбина</i>	184
«То громче о любви он пел, то тише...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	185
«Хотел я начертать в былые дни...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	186

Весна — твоя. <i>Перевод В. Цыбина</i>	187
«Стучится кто-то в дом ночной пороги...» <i>Перевод</i> <i>В. Цыбина</i>	188
Стихи, написанные в самолете. <i>Перевод В. Цыбина</i> .	189
Камни укора. <i>Перевод В. Цыбина</i>	190
Тоска. <i>Перевод В. Цыбина</i>	194
«Туман по холмам расстелился, как жниво...» <i>Пере-</i> <i>вод В. Цыбина</i>	195
Смею ли вам. <i>Перевод В. Цыбина</i>	196
«Твердят на сотнях разных языков...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	197
«В просторной чайхане весь день...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	198
«С соседями часов он не сверяет...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	199
«Мой верный друг, давай наполним чаши...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	200
Раздумья мои. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	201
Об удаче. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	206
АВИЦЕННА И СМЕРТЬ. П о э м а. Перевод Р. Казаковой	209

Арипов А.

**А81 Ветер моего края: Стихотворения; Поэма.
Пер. с узб./Предисл. С. Баруздина.— М.: Ху-
дож. лит., 1988.— 238 с.**

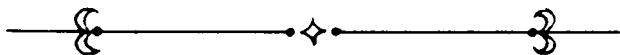
ISBN 5—280—00262—3

Абдулла Арипов — современный узбекский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана. «Его поэзия пронизана большими чувствами, окрашена яркой эмоциональностью, освещена глубокой мыслью. Вот почему она и лирична, и эпична одновременно. И при этом краски ее весьма различны. И душевная строгая простота, и горячая публицистичность, и шутка... Стихи Арипова лишены декларативности», — так характеризует поэзию А. Арипова известный писатель Сергей Баруздин.

А 4702570200—305 107—88
028(01)—88

ББК 84Уз7

АБДУЛЛА АРИПОВ

**Ветер
моего
края**

Редактор

Р. Гузаиров

Художественный редактор

А. Максимов

Технический редактор

Е. Полонская

Корректор

И. Ломанова

ИБ № 5126

Сдано в набор 01.12.87. Подписано к печати 16.06.88. Формат 70 × 90^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,75. Усл. кр.-отт. 17,79. Уч.-изд. л. 6,61. Тираж 10 000 экз. Изд. № IV-2998. Заказ 1324. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93